N1(5), февраль 1993

ЕВРОПЕЙСКОЕ ВРЕМЯ

МЕЖДУНАРОДНОЕ ОБОЗРЕНИЕ РЕСПУБЛИКА БЕЛАРУСЬ

Посол США в Беларуси Дэвид Суорц во время посещения минского магазина «Американский стиль». Слева — директор магазина Олег Морозов.

Фото Виталия Барздыки.

В НОМЕРЕ:

☐ ПРАВА ЧЕЛОВЕКА В БЕЛАРУСИ
Доклад Государственного департамента США . . . . . стр. 10

☐ КАК ВЪЕХАТЬ В РЫНОК ЛЕЖА НА ДИВАНЕ
Эссе Федора Ефимова . . . . . стр. 5

☐ ОТ ПЯТОЙ ГРАФЫ — К ПЯТОЙ КОЛОННЕ?
Русский язык на Украине . . . . . стр. 6–7

☐ ПРОБЛЕМА "СЕКСОТОВ" В ЧЕХИИ И СЛОВАКИИ
Статья чешской журналистки П.Шустровой . . . . . стр. 8

АВАНСЦЕНА

АНАТОЛИЙ ДРОЗДОВ
первый заместитель главного редактора газеты «Европейское время»

ТРЕТИЙ ГОД ПОЛЕТА НАД ПРОПАСТЬЮ

Первый номер "Европейского времени" 1993 года выходит в свет в феврале. Редакция сделала это, чтобы наши подписчики (а подписка на "ЕВ" была объявлена только с февраля) получили газету в этом году полным комплектом.

За время, что прошло с нашей последней встречи в декабре минувшего года, случилось немало интересного. Самое заметное и шумное событие — январская встреча руководителей стран СНГ в Минске. В очередной раз миру было заявлено, что содружество живет и будет жить, сделаны новые шаги по укреплению межгосударственных связей. А именно: подписаны документ о принятии в будущем устава СНГ и соглашение о создании межгосударственного банка. Последнее особенно отрадно на фоне того ералаша, что происходит сегодня с платежами по взаимным поставкам государств — членов Содружества.

Однако уповать на то, что с подписанием этого документа ситуация с платежами радикально изменится, не приходится. Хороших соглашений главы стран СНГ и в прошлом подписывали немало. Кроме того, на становление межгосударственного банка уйдет немало времени, а услуги его будут стоить недешево. По крайней мере, Национальный банк Беларуси намерен пока работать так, чтобы цена российской безналичной валюты на внутреннем рынке повышалась (уж больно велик спрос на нее), а это, вкупе с обвалом российского рубля на январских валютных торгах в Москве, сулит финансовой системе Беларуси нелегкие времена.

Наконец-то принят Верховным Советом закон о приватизации. Правда, сопутствующий ему закон об именных приватизационных чеках наши парламентарии почему-то притормозили. Но, как бы то ни было, уже в ближайшее время каждый гражданин республики сможет претендовать на свою долю государственной собственности.

Сделать это будет непросто. Сначала доведется помучаться в отделении Сбербанка, получая свои приватизационные чеки, а потом страдать от мысли, куда их пристроить. Продать чеки, подобно тому, как это происходит в России, проект закона почти запрещает. Чеки — именные, и процедура перехода их из рук в руки достаточно усложнена. Проще будет отнести их в инвестиционные фонды, но они пока только создаются, и неизвестно, сколько пройдет времени, прежде, чем заработают на полную силу.

В январе на Беларусь обрушился топливный кризис. Похоже, что под его знаком пройдет весь этот год. Соглашения о поставках нефти, которые Беларусь подписала с Россией, вряд ли будут выполнены в полном объеме. Добыча нефти в России резко падает, а на оживление заброшенных скважин, которые сосед предоставляет нам в концессию, уйдет намало денег, сил и времени. Хотя цены на российскую нефть уже практически сравнялись с мировыми, это не означает, что мы сможем найти альтернативный источник поставок. На лондонской и других мировых биржах нефть можно приобрести только за "твердую" валюту, а ее у республики мало. Резко же увеличить экспорт наших товаров в развитые страны — дело нереальное. Поэтому и впредь придется отправлять трактора, грузовики, телевизоры, холодильники и продукты в Россию — для того, чтобы на рубли приобрести энергоносители. Поэтому и в политическом плане не следует ждать укрепления связей с "великим соседом", в знак дружбы принимая на себя и тот инфляционный скачок цен, что переживает сейчас Россия.

3 февраля Верховный Совет отменил свое же постановление от 25 августа 1991 г. о приостановлении деятельности КПБ-КПСС. Депутаты проголосовали за это с редким единодушием. И не потому, что прежний запрет нарушал права человека, на что усиленно напирали "приостановленные" большевики. Подавляющее большинство нажало на кнопку "за" после того, как получило гарантию: успешно приватизированное партийное имущество прежним хозяевам не вернется.

Поскольку в Беларуси уже есть одна компартия (ПКБ), а те, кто прежде "руководил и направлял", теперь (совсем по Марксу) двигают капиталы и из черных "волг" переселились в разноцветные "мерседесы", несколько однообразная политическая палитра республики обещает обогатиться новыми красками. В этом буйном разноцветье вопросы типа: "А ты кто такой? Когда сдал партийный билет?" обещают стать самым невинным развлечением среди некогда стоявших плечом к плечу товарищей.

Видимо, средневековый прорицатель, обещавший странам, образовавшимся на месте СССР, три года полета над пропастью, был недалек от истины. Год 1993-й — последний. Остается уповать, что предсказание сбудется в точности, и в 1994 году мы приземлимся (мягко!) на твердый берег. Чтобы хорошо ориентироваться в этом полете, рекомендуем захватить с собой газету "Европейское время".

Рис. Александра Свинаренко

"У ЛЮДЕЙ ДОЛЖНО БЫТЬ ЧУВСТВО САМОУВАЖЕНИЯ..."

С ПОСЛОМ РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ В БЕЛАРУСИ БЕСЕДУЕТ КОРРЕСПОНДЕНТ "ЕВРОПЕЙСКОГО ВРЕМЕНИ" АЛЕКСАНДР СТУПНИКОВ.

В конце ушедшего года Беларусь установила дипломатические отношения с Республикой Корея. Чрезвычайный и полномочный посол в Москве Хон Сун Енг вручил верительные грамоты Станиславу Шушкевичу. Для Беларуси это событие означает прорыв на рынок "молодых индустриальных стран".

— Экономическое сотрудничество наших стран я рассматриваю в двух плоскостях: на межгосударственном уровне и в сфере частного бизнеса. Мы приветствовали бы ситуацию, когда бы наш частный бизнес смог развернуться в Беларуси. Готовы и к другим формам сотрудничества. Сдерживает пока отсутствие в Беларуси необходимого для развития совместного предпринимательства законодательства. Мы считаем, что именно частный бизнес должен стать основой экономического сотрудничества. На межгосударственном уровне мы готовы оказать содействие в подготовке или, если хотите, переквалификации технических и управленческих работников. О таких программах я говорил на встрече с руководителями Беларуси.

— Готово ли ваше правительство оказать Беларуси финансовую помощь? Если да, то на каких условиях?

— Мы готовы финансировать учебу ваших специалистов, если в Беларуси будут создаваться приемлемые условия для развития рынка. Можно также рассмотреть вопрос об инвестициях, но только тогда, когда интересы инвесторов будут защищены законом. Беларусь обладает значительным интеллектуально-техническим потенциалом, это привлекает. Я встречал опытных бизнесменов, с которыми мы могли бы работать, создавать совместные предприятия.

— Собираетесь ли вы открывать в Минске посольство или консульство?

— Да, конечно, но пока говорить об этом рано. Беларусь входит в число четырех республик бывшего СССР, с которыми мы хотели бы сотрудничать в первую очередь. Открытие посольства — проблема, решение которой зависит от реальных возможностей и перспектив. То же самое могу сказать о прямых авиарейсах между Сеулом и Минском. Будет достаточное число желающих — рейсы появятся.

— После войны Севера и Юга Южная Корея поднималась буквально из руин. Как вам удалось за столь короткий период достичь экономического процветания?

— Опираясь на собственные силы. На мой взгляд, в тот период нам еще повезло с правительством. Оно смогло объединить народ, направить силы в нужном направлении, воспитать грамотных и дисциплинированных специалистов. Наша рыночная экономика ориентировалась на экспорт, а это заставляло искать новые пути развития, учиться конкурировать и побеждать в этой борьбе.

Мы получили значительную помощь от США и других стран. Однако никакие деньги, тем более кредиты, не смогут мобилизовать нацию на преодоление трудностей. Средства без стимулов уйдут, как вода в песок. У людей должно быть чувство самоуважения, гордости за себя и свою страну. Только так можно преодолеть трудности. Беларуси, по-моему, для подъема экономики нужны зарубежная помощь, сотрудничество с развитыми странами и дух самоуважения вместе с соответствующими возможностями для продуктивной деятельности. Кроме того, в тяжелый период не обойтись и без терпения.

— Расскажите немного о себе.

— Я закончил университет в Сеуле и хотел заняться научной работой. Думал писать книги, может быть — работать в журнале. Дипломатом стал почти случайно и теперь не жалею. У меня широкий круг друзей: от коллег до журналистов, людей науки и искусства, бизнесменов. Я научился получать удовольствие от своей работы. Здесь у меня только одна проблема — язык. Но и ее со временем, надеюсь, решим. Моя семья всегда была со мной: и в США, и в Африке, и вот теперь здесь. По нашим правилам, жена дипломата всегда должна сопровождать его. Поэтому мы никогда не расставались. У нас четверо детей. Старшая дочь учится в Сеульском университете. Хочет стать дипломатом...

ЭКОНОМИКА И ПОЛИТИКА

ИРА ЛОЗОВСКАЯ

ПРОСТЫЕ ТАЙНЫ БЕЛОРУССКОЙ "СТАБИЛЬНОСТИ"

Неторопливое развитие событий в Беларуси весной—летом позволило некоторым политикам и наблюдателям заговорить о республике, как о факторе стабильности на просторах бывшего Союза. Эта весьма привлекательная версия очень быстро была взята на вооружение высшим руководством страны. Премьеру она позволила морочить голову дальнему и ближнему зарубежью, недоумевавшему подчеркнуто замедленным темпам реформ в Беларуси. Председателю парламента — оправдать свою позицию "цалкавітай згоды", которая, судя по развитию событий на последней парламентской сессии, все более и более трансформируется в соглашательство.

Тем временем последние покровы с тайны "стабильной республики" упали 19—20 января, когда парламент приступил к рассмотрению вопросов о приватизации, праве собственности на землю и конституции. Как и следовало ожидать, бессовестно затасканный миф о белорусской толерантности лопнул при первой же серьезной попытке изменить существующий порядок вещей, во главу которого поставлены три кита: незыблемость колхозно-совхозной монополии на землю сельскохозяйственного предназначения и государственной на всю, наличие непрофессионального, недееспособного парламента, административно-командная экономика. Именно 19—20 января "красные помещики" не без помощи правительства показали Шушкевичу, что игры закончены. А усидеть на двух стульях не удалось даже Горбачеву.

Приуроченный к дебатам по самым главным вопросам республиканской жизни демарш колхозно-совхозной элиты по своим последствиям намного превзошел апрельские забастовки, с которыми так эффективно в отличие от растерявшегося Кебича в свое время справился Шушкевич. Только легитимация института частной собственности на землю могла стать гарантией реформ для республики и гарантией дальнейшей политической карьеры для Станислава Шушкевича. Заинтересованные стороны сделали все, чтобы этого не произошло. 16 января на совместном заседании президиумов парламента и правительства было принято решение рекомендовать сессии отказаться от касающихся земли разделов закона о приватизации и разгосударствлении государственного имущества, соответственно отказаться от приватизационных чеков "Земля".

Это, как можно предполагать, было связано с появлением на свет новой совминовской версии проекта закона о праве собственности на землю — без принятой при первом чтении коллективной собственности. Дескать, механизм приватизации земли будет регламентирован законом о праве собственности на землю, законы пойдут один за другим.

19 января Верховный Совет принял закон о приватизации без земли, что существенно уменьшило его значение. 20-го вице-премьер Александр Бокач и председатель аграрной комиссии парламента Владимир Гаркун разыграли поучительный спектакль, во время которого первый представил вышеназванную версию правительства, а второй заявил, что "мы", конечно против, но готовы согласиться при условии, что Верховный Совет примет три постановления с замораживанием с 1 февраля выделения участков под индивидуальное и дачное строительство; о приоритетном праве теперешних землепользователей (колхозов и совхозов), после принятия закона на закрепление за ними земли в том объеме, в котором они ее имеют сейчас; о запрещении всякой реорганизации колхозов и совхозов под видом деления на доли, фермерские хозяйства до принятия закона о земле.

Подводя результаты бурных дебатов, представитель правительства рекомендовал согласиться с предложением Владимира Гаркуна и отложить земельную реформу до весенней сессии, а на этой принять постановление. Это, конечно, еще не последняя точка, но в данном случае метод и результат одинаково любопытны. Тем более, что предложение имело место.

В тот же день окрыленное успехом парламентское объединение "Беларусь" предприняло решительное наступление на конституционный процесс. Во время обсуждения проекта конституции представитель "Беларусі" (члены которой составляют 2/3 конституционной комиссии, а половина служит в правительстве) Франц Минько предложил альтернативный проект основного закона, который закрепляет существующую систему государственного устройства: парламентскую республику, увенчанную громоздким Верховным Советом.

Судя по всему, исключительно во имя " цалкавітай згоды " Шушкевич предложил параллельно рассмотреть основные положения как основного, так и альтернативного проектов. Последний правда следует воспринимать скорее как способ затормозить конституционную реформу, нежели как действительно серьезный документ. В этой связи совсем уж эфемерным выглядит парламентское заявление о досрочном прекращении своих полномочий. Тем более что юридической силы это заявление не имеет.

Радикально изменить ситуацию могла бы оппозиция, если бы в декабре 1991 г. ее лидер принял решение о проведении референдума не о роспуске парламента, а о введении института частной собственности на землю. Таким же способом ее мог бы изменить и председатель Верховного Совета, если бы не цеплялся за иллюзию "цалкавітай згоды".

Что касается оппозиции БНФ, то полтора года после путча принесли ей больше поражений чем побед. Первым ударом стало соглашение в Вискулях, последним — запрещение референдума. Причем в вопросе о референдуме подходы обеих сторон одинаково спорны, а отсутствие в этой связи массовых протестов во многом связано с вялой линией поведения, выбранной самой оппозицией.

Тем временем новым белорусским политикам, в отличие от прочно окопавшейся в системе исполнительной власти старой коммунистической гвардии, неимоверно трудно действовать в призрачных контурах стабильности и граждаского мира. И главной причиной этого является отсутствие у них реальных данных о запасе прочности белорусского покоя. Именно в силу лучшей осведомленности в этом вопросе инспирированный властями Координационный комитет Гайдукевича вывел на площадь военных, и военная проблема в Беларуси была решена. Армия получила максимальное в СНГ социальное обеспечение. Именно в силу лучшей осведомленности в этом же вопросе "красные помещики" пригнали на площадь крепостных и, судя по всему, добились отсрочки земельной реформы как минимум на год. Начало сельскохозяйственного сезона автоматически решает эту проблему в пользу колхозов и совхозов.

На фоне этой политической беспомощности рос и креп миф о Беларуси и СНГ. Хотя провозглашенный год назад столицей Содружества Минск так и не стал центром Евразии, Шушкевич с одной стороны, оппозиция с другой нанизывают свою аргументацию преимущественно вокруг именно этого фактора политики.

Почему в Беларуси живут лучше чем в России? — Потому что белорусское руководство сумело сохранить добрые отношения с Россией. Именно так вслед за Шушкевичем и Кебичем изображают ситуацию полностью подконтрольные правительству средства массовой информации. Именно этот тезис позволил удовлетворить как интересы генералитета бывшего Белорусского военного округа, так и интересы общественности. Беларусь — безъядерное, нейтральное государство, на территории которого временно размещены ядерные силы другого государства, а ее армия по-прежнему в пересчете на душу населения самая большая в Европе.

Именно эта отвлекающая оболочка гиперинтегрированности в экономику СНГ и особенно России позволила правительству сохранить административное распределительное хозяйство. Беларусь, конечно, стремится к рыночным рефомам, но предпочитает посмотреть, чем они закончатся у соседей, а тем временем на якобы льготных условиях покачивает нефть и газ из России, а хлеб из Казахстана. С последним, правда, вышел конфуз, но республиканская пресса вовремя переключилась с живописно расписанной ею темы о белорусском трудовом десанте в казахских степях на нечто более нейтральное, поскольку цена казахского зерна в результате оказалась выше мировой.

Все эти события являются фоном затяжного предвыборного марафона трех политиков: Шушкевича, Кебича и Позняка. А поскольку политика в Беларуси пока является уделом небольших, можно даже сказать, очень маленьких групп населения, этот список стоит назвать в несколько измененном порядке: Кебич, Позняк, Шушкевич. Козырь Шушкевича — частная собственность на землю — не без помощи одного из конкурентов оказался битым. Позняку в очередной раз не хватило решительности. Кебич, на которого и только на которого работает вся пропагандистская машина республики, после выступления 21 декабря в Мире сделал заявку на роль лидера нации.

"Первейшая обязанность государства состоит сегодня в том, чтобы вернуть народу духовные ценности и прежде всего ценности христианского учения, которое олицетворяло и олицетворяет национальную мораль и совесть белорусской нации", "национальный патриотизм в сочетании с христианской добродетелью и моралью должны составить духовную опору нашего народа", — утверждает автор "мирских" тезисов. И с этим соглашается даже Позняк ("Беларускі час" № 1, 1993). Что же касается избранных премьером экономических ориентиров, он видит цель "в создании экономики социализированного типа". Судя по всему, экономика социализированного типа — это когда очень трудно, если вообще возможно, законным образом стать богатым.

Однако как раз экономическая часть менее всего беспокоит новые белорусские партии, которые в большинстве своем либо акцентируют внимание на идее мощной национальной государственности либо на реставрации коммунизма в СССР. За полтора года в республике не появилось ни одной сколько-нибудь серьезной экономической программы. Более того, экономическая программа оппозиции уступила основным направлениям экономической политики правительства, которые, правда, тоже остались лишь на уровне бестелесной оболочки.

Немногочисленные новые белорусские партии, традиционно привязанные к БНФ, благодаря усилиям властей, оказались противопоставленными Координационному комитету коммунистов и славяособорников. Непотопляемое правительство Кебича переняло все функции ЦК КПБ, заменив отраслевые отделы ЦК управлениями Совета министров, и при этом умудрилось занять желанный центр. Общественная мысль так и не нашла себе пристанища в республиканской прессе, а последняя так и осталась на уровне пресс-офицера при начальстве.

Пропагандистская шумиха вокруг верности идеалам "высокоморальной" политики, СНГ и роли страны-депозитария стала ширмой, скрывающей ориентацию во внешней политике на Восток. Самый поверхностный анализ зарубежных визитов белорусского руководства дает основание утверждать, что на Западе Беларусь просит кредиты, на Востоке ищет политического партнерства. Последним и наверное наиболее ярким примером этому является визит Шушкевича в Китай, в результате которого появились "симметричные" взаимообязательства стран по отношению к проблемам Тайваня и белорусских этнических территорий. В интервью белорусскому телевидению, которое с невиданной дотоле помпой освещало этот политический акт, Шушкевич с детским простодушием признал, что с восточными партнерами ему куда проще находить общий язык, чем с представителями западных демократий. И этим он, судя по всему, выразил общее мнение белорусской делегации.

Такая же метафизическая близость просматривается и в романе с СНГ и особенно с Россией. Повсеместно подчеркиваемая белорусским политическим бомондом верность букве и духу Парижской хартии, Хельсинкских соглашений и законодательства Республики Беларусь почему-то отступает перед лицом всеобщей евразийской интеграции.

(Окончание на стр. 4)

ЭКОНОМИКА И ПОЛИТИКА

ВКУС СВОБОДЫ

С ПРЕДСЕДАТЕЛЕМ ПРАВЛЕНИЯ КОММЕРЧЕСКОГО БАНКА "ПОИСК" ВАЛЕНТИНОЙ СУРИНОЙ БЕСЕДУЕТ АНАТОЛИЙ ДРОЗДОВ

В декабре прошлого года Верховный Совет Беларуси обсудил и принял поправки к законам "О банках и банковской деятельности" и "О национальном банке". Это рутинное, как казалось бы, действо вызвало небывалое прежде при обсуждении экономических законов кипение страстей в парламенте, сопровождающееся градом взаимных обвинений со стороны Национального банка РБ и его оппонентов из банков коммерческих. Происшедшее в декабре стало одним из наиболее ярких отображений наметившегося в последнее время противостояния предпринимательских структур и государственной власти.

— Валентина Петровна, ваш банк один из тех, о которых на сессии Верховного Совета говорилось, что они используют государственное имущество для личной наживы...

— Знаете, когда два года назад бывшее отделение Жилсоцбанка стало коммерческим банком "Поиск", у нас забрали практически все: здание, оборудование, 50 процентов фонда развития... Как будто люди, которые много лет здесь работали, ничего не заслужили. Оборудование мы выкупили, здание арендуем. Причем, нам даже не разрешают долгосрочную аренду — прежде заключали договор на год, а теперь собираются и вовсе на полгода.

— Может, из-за инфляции? Цены растут, в том числе на аренду?

— Поправку на инфляцию можно предусмотреть в договоре. Нас просто держат на коротком поводке: начнем "выступать" — выселят на улицу. А у меня здесь, в основном здании, свыше 4000 клиентов.

— Ваш первоначальный уставной фонд составили вклады государственных предприятий, в том числе даже двух райисполкомов Минска. Как любит говорить председатель правления Национального банка Станислав Богданкевич, используя государственные деньги, получали личный доход...

— И кто от этого пострадал? Своим пайщикам за 1991 год мы выплатили дивиденд в 19 процентов, за прошлый он составит не менее 60. Что касается средств исполкомов, то мы "наработали" на них процент и бюджетные деньги в уставном фонде заменили этими средствами.

Пострадали ли акционеры (с 1992 года банк "Поиск" стал акционерным) от того, что вложили деньги в

наш уставной фонд? Возьмите Минский часовой завод. Его вклад — 10 миллионов рублей. По итогам прошлого года предприятие получит в виде дивиденда не менее 6 миллионов. Кроме того, мы предоставили коллективу завода возможность на 10 миллионов брать потребительские кредиты под 8 процентов годовых. Сбербанк в прошлом году давал их под 35 — и то было не взять. А наш клиент — государственная торговля? В прошлом году мы предоставляли ей кредиты в среднем под 6 процентов, то есть фактически субсидировали низкий уровень цен в государственных магазинах. Не пострадало и государство, если уж так ставить вопрос. Из 236 миллионов рублей заработанной нами в прошлом году прибыли свыше 100 миллионов пойдут в доход государства только в виде налога на прибыль...

— Одним из обвинений в адрес коммерческих банков, прозвучавших на сессии Верховного Совета, была якобы непомерно высокая заработная плата их сотрудников...

— Не такая уж непомерная. По банку "Поиск" в прошлом году — 16 тысяч рублей. Сегодня в том же Национальном банке получают не меньше. Но там это бюджетные деньги, а у нас — заработанные. Акционеры определили нам долю заработной платы в доходах банка — 10 процентов. Сравните с теми же государственными предприятиями, где сегодня почти все заработанное проедается. Да и эти 10 процентов мы используем не в полном объеме. В декабре получили доход — 130 миллионов. Тринадцать из них могли пустить на зарплату, но фактически потратили чуть более трех. Остальное ушло на развитие. Сегодня мы строим и реконструируем здания, покупаем оборудование — на это в прошлом году ушло 10 миллионов рублей и около 130 тысяч заработанных нами долларов. Зато сегодня каждый бухгалтер работает с персональным компьютером. Это люди высочайшей квалификации, также, как, скажем, сотрудники внешнеэкономического отдела банка, каждый из которых владеет как минимум одним иностранным языком. Я не могут платить им, как уборщице... Это только кажется, что в коммерческих банках сегодня зарабатывают много. Я, председатель правления, женщина, не могу позволить себе, как когда-то, купить французские духи — дорого...

—В своих интервью председатель правления Национального банка не раз упрекал коммерческие банки в слишком высокой рентабельности. Не объясняется ли это тем, что в Беларуси сегодня всего 25 коммерческих банков на 10 миллионов населения, в то время как в Латвии, где живет менее трех миллионов, их 50. Там банки отчаянно конкурируют, всячески завлекают клиентов, а у нас в какой банк не зайди — очереди в кассу. И какие очереди! Мало банков — можно и ставки по кредитам безбоязненно вздувать?

— Так вам конкуренты и позволят! В Беларуси среди коммерческих банков конкуренция жесточайшая. Вот стали мы открывать филиал во Фрунзенском районе Минска, и сразу банк, прежде бывший монополистом, снизил процентные ставки по кредитам и увеличил размер кредита.

Другое дело, что банков у нас действительно мало. Отсюда очереди, невозможность создать клиентам комфортные условия. Зачем нам здесь 4000 клиентов и 160 человек банковского персонала? Должно быть 300 и 20. А к нам все новые клиенты приходят и просят взять на обслуживание. Я их понимаю: за всю историю "Поиска" у нас, к примеру, не было проблем с наличными. Мы наскладывали на себя три инкассаторских маршрута, у некоторых клиентов сами забираем выручку. У нас сегодня 31 человек занят на пересчете денег. Хлопотно, но клиентам удобно. Мы открыли для их нужд корреспондентские счета в зарубежных банках 16 стран мира, установили две прямые линии международной телефонной связи, скоро будем располагать спутниковой связью...

А банков у нас мало потому, что такова политика Национального банка. Чем меньше коммерческих, тем проще ему их контролировать. Сегодня, чтобы открыть банк, нужно собрать 100 миллионов уставного фонда и оплатить его полностью. Попробуйте это сделать! "Поиск" в свое время начинал с 6 миллионов, это сегодня у нас 200 миллионов в уставном фонде, а будет 350. Но ведь мы работаем уже третий год...

— Как вы считаете, Валентина Петровна, почему у нас сегодня так не любят предпринимателей? В том числе и государственные власти? С одной стороны стригут, как овцу, не давая обрасти, а с другой еще всячески склоняют...

— Овцы бывают и паршивые... Предпринимательство у нас развивается своеобразно и далеко не всегда по цивилизованному пути.

А что ему делать, если государство выстроило перед ним частокол в виде всевозможных запретов и ограничений? А потом еще удивляется, что предприниматель, чтобы нормально существовать, пытается этот частокол обойти. Месяцами не проходят платежи в страны СНГ, а надо платить за товары, сырье, комплектующие. Предприимчивые ищут и находят пути, вплоть до вывоза наличных из республики. Невероятно высоки у нас сегодня налоги — и здесь ищут, как заплатить поменьше.

Пока у нас не будет создана нормальная среда для развития предпринимательства, трудно ждать иного. Почему у нас все торгуют, а не производят? Потому, что это выгоднее. Будет более рентабельно производить товары — развитие предпринимательства пойдет в этом направлении. Дело государства создать для этого необходимые стимулы.

— И все-таки, несмотря на все ограничения, банк "Поиск" живет и процветает. Увеличивает уставной фонд, открывает филиалы, в том числе уже в Барановичах, Мяделе, Пинске...

— И будем жить. За будущее банка я спокойна. Людей, которые ощутили вкус свободы, обратно в клетку уже не вернуть...

ПРОСТЫЕ ТАЙНЫ БЕЛОРУССКОЙ "СТАБИЛЬНОСТИ"

(Окончание. Начало на стр. 3)

Председатель парламента заявляет, что устав Содружества во многом противоречит Декларации о независимости, но если депутаты проголосуют, он его подпишет, что совсем уж непонятно в контексте его же ссылок на невозможность для Беларуси участвовать в системе коллективной обороны именно в связи с заложенным в Декларации принципом нейтралитета. Тем временем, если говорить о достижениях республики в СНГ, то ее единственной абсолютной ценностью является именно независимость, а не рост промышленного производства на полтора процента в ноябре 1992 по сравнению с ноябрем 1991. Всего остального пока просто нет.

Экономическая политика правительства абсолютно не зависит от парламента, несмотря на то, что последний периодически "обсуждает" действия премьера и его команды. Судя по структуре проекта бюджета на текущий год, львиная доля астрономической суммы которого выделена на дотации сельскому хозяйству и дотации всему остальному, правительство Кебича приняло окончательное решение не изменять идеалам административно-командной экономики. Премьеру принадлежат поистине замечательные слова: "Знаете, и я бы, как они, не стал делить ответственность. Я хочу и могу большую ее часть взять на себя. Когда писатель Нил Гилевич говорит мне про тяжелое положение работников культуры, — это моя забота. Когда колхозник жалуется, что у него нет фуфайки, чтобы ходить на ферму, — и это моя забота"

Но именно тогда, когда мелкие и большие проблемы людей перестают быть их личными проблемами, а становятся заботой одного, пусть даже самого лучшего человека, именно тогда и кончается демократия. Если она вообще была...

ESSAI

ФЕДОР ЕФИМОВ

КАК ВЪЕХАТЬ В РЫНОК ЛЕЖА НА ДИВАНЕ

Нравится нам или не нравится, это уж кому как, но суровая наша жизнь заставляет признать: 99 % человечества живет не в мире идей, а в мире вещей. Один из самых трезвых мыслителей человечества, Герцен, сказал: будь пролетарий побогаче, он и не помышлял бы о коммунизме...

Уже слышны раздраженные голоса: вы о духовности забываете! Не хлебом единым жив человек!.. и т.д. Заблуждение давнее, стойкое по той основательной причине, что в нем прячется свой интерес и своя выгода заблуждающихся. Забота о хлебе есть забота о душе. Дайте человеку достаточное количество необходимых для жизни предметов, и у него появится желание почистить свою нравственность. Никаким иным способом воздействовать на индивидуальную нравственность невозможно...

Но кто же даст человеку все, что ему нужно для жизни?..

Фермер, предприниматель и купец. Люди, которые хотят делать дело и умеют его делать. Идеологи всех направлений, мастей и оттенков делать это не умеют и не хотят. Поэтому "сегодня тема "предпринимательство и народ" — главная тема российской истории, от того, как она будет раскрыта и решена, зависит все наше будущее", более чем справедливо пишет в "Знамени" (1992, № 2) Александр Панарин. Ясно, что это относится ко всем странам Содружества: одна унаследованная хворь, одно лекарство...

Если у этих стран есть историческое время, то будущие исследователи нынешней смуты с изумлением отметят возобновление одного старого литературного спора, точнее — позицию одной из сторон в этом споре.

Речь о гончаровском "Обломове". Мало какое произведение русской классики, за вычетом, быть может, романов Достоевского, рождало диаметрально противоположные мнения. Не столько, впрочем, о самом произведении в целом, сколько о его главных героях — Обломове и Штольце: кто из них, прибегая к штампам, "положительный" герой, кто "отрицательный"...

Вот что писал Чехов Суворину в мае 1889 года: "Обломов" совсем неважная штука. Сам Илья Ильич, утрированная фигура, не так уж крупен, чтобы из-за него стоило писать целую книгу. Обрюзглый лентяй, каких много, натура несложная, дюжинная, мелкая... Я спрашиваю себя: если бы Обломов не был лентяем, то чем бы он был? И отвечаю: ничем. А коли так, то и пусть себе дрыхнет..." А вот мнение поэта Б.Садовского. Хотя дневниковая запись относится к 1931 году, автор ее жил в воображении в империи Николая I, она представлялась ему идеалом государственного устройства: "...Когда мы поймем духовное ничтожество декабристов и Пушкина, когда уразумеем, что Обломов — тип положительный, а Штольц — глубоко отрицательный... тогда можно будет надеяться на что-то...".

За что невзлюбил Обломова Чехов — понятно. За что полюбил Садовской (который при поставленных ему условиях едва ли дождался бы возрождения надежд, живи он хоть мафусаиловы сроки) — непонятно. Московская "Литературная газета" возобновила прения по этому вопросу, а ее член редколлегии И.Золотусский взялся сделать непонятное понятным.

Как народный академик Лысенко превращал овсюг в пшеницу, так И.Золотусский, только еще быстрее и без особых затруднений, переделывает Штольца в кровожадного революционера. Не верите? Извольте. В статье "Обломов и штольцы" ("ЛГ" 1992, № 19) он пишет: "Русские штольцы явились, размножились, и тут мы увидели, что у них в руках не угломер, не ватерпас и не другие орудия строительства, а кастет и кинжал, бомба и револьвер, а в голове — Марксова экономическая теория, разрешающая убивать и грабить. Эти штольцы не умели работать — они умели разрушать, они "брали" банки, наклеивали фальшивые усы"... и так далее.

Величайшей тайной трезвого чтения романа остается: где Гончаров хоть буквочкой, хоть намеком говорит о каком-либо радикализме Штольца, о его причастности к какому-нибудь революционному действию, подпольному кружку, хотя бы — о таком его умонастроении?.. Ничего подобного нет в романе, это домысел...

Почему И.Золотусский не выводит из предпринимателя, из купца, из дельца Штольца будущих Морозовых, Мамонтовых, Третьяковых, Путиловых, Рябушинских?..

А это — умысел: выведи критик, как и положено, из образа Штольца реального российского предпринимателя — никто ведь не поверит в преимущество перед ним Обломова. Человека, который за всю свою жизнь НИЧЕГО не сделал, а только съев отпущенное ему количество шницелей и антрекотов, отправился в лучший мир...

И.Золотусскому ничего не остается делать, кроме как выпятить выдающиеся нравственные качества возлюбленного литературного героя. Его ангельскую доброту, любовь к ближнему и голубиную кротость...

Однако по христианским же заветам вера без дела мертва. Истинный нравственный облик человека выявляется лишь в поступках — как же высокая нравственность может быть доказана бездельем героя? Мало ли каков он "внутренне"! Ощущения этически необязательны, мудро сказала Л.Я.Гинзбург, этически обязательны только поступки. Но это мудрость философского порядка. Думы и слова Обломова действительно превосходны. И вот тут, на стыке философии и литературы, рождается объемное понимание героя: прекрасный человек, который ни в чем не проявил свои прекрасные качества, не реализовался как личность в деяниях. Конечно же, по социальной причине, от которой убегает И.Золотусский, но которая поджидает его там, куда он бежит. Поистине гениальна деталь общей картины романа: послеобеденный сон в Обломовке, когда пробуждающимся лень даже мух вытащить из кружки с квасом; сдувают мух к краю кружки, пьют и снова ложатся; страшная картина застойного времени, застойного уклада жизни. Здесь бездеятельный человек, время и пейзаж — в гармонии...

Будучи последовательным идеалистом, И.Золотусский старательно обходит центральную социальную проблему, игнорируемую им: не заработав лично ни копейки, на какие же средства прожил Обломов жизнь, благодушествуя и предаваясь возвышенным мечтаниям об общечеловеческой любви? Ответ: на средства крепостных рабов. Тогда еще вопрос: согласуется ли христианская доктрина с рабовладением, освящает ли его? Можно ли совместить прокламируемую любовь к ближнему, как к самому себе, с присвоением продуктов, созданных трудом этих ближних?.. Для И.Золотусского все это — презренный материализм, а для всего человечества — то, что привело его ко всем буржуазным революциям, в ходе которых к власти пришло сословие предпринимателей и купцов...

Наконец: если Гончаров одобряет образ жизни своего героя, считающего устои этой жизни в высшей степени справедливыми и не покушающегося на них даже в мыслях, то это значит, что писатель оправдывает крепостное право. А если, как вся русская классика, отрицает его, то, стало быть, его и обвиняет в том, что погиб, ничего в жизни не совершив, прекрасный человек. Оказывается, перед нами — все тот же лишний человек русской литературы прошлого века, а роман — остросоциальное произведение антикрепостнической направленности, а не моралистически-назидательное сочинение, как силится представить его И.Золотусский.

Я не думаю, что Чехов во всем прав. Обломов — лентяй не сам по себе, а по условиям жизни, которые дают возможность человеку с соответствующими психофизическими наклонностями существовать за счет чужого труда. Общество рыночной экономики и предпринимательской свободы такой возможности человеку не предоставляет. Спать хочется? — изволь, заработай своим личным трудом миллион и — в добрый час!.. Не хочется думать, что И.Золотусскому страшен такой порядок...

Почему же теперь, когда мысль о неизбежности такого порядка жизни медленно, но верно проникает в сознание людей, критик настойчиво выдвигает на первый план Обломова? Я не только не верю в конструктивную роль слова, но и убежден, что такой роли оно не играет, будь это иначе, картина мира была бы совершенно иной (скорее всего, худшей), а якобы питающаяся из религиозно-нравственного источника публицистика как раз исходит из "в начале было Слово", рождающее действительность. Следовательно, "религиозные" публицисты своим звучным словом хотят создавать такую действительность, где бы господствовали обломовы. Иначе зачем панегирики Обломову обязательно сопровождаются хулой по адресу Штольца? Л.Бежин, например, в отличие от И.Золотусского, не рисует Штольца с Марксом в башке, маузером в руке и с фальшивыми усами, но и он убеждает "свободного гуманитария": докажи, что ты не желаешь уподобляться "предприимчивому Штольцу" и способен "противостоять (разрядка моя. — Ф.Е.) его грубому деляческому напору"... ("ЛГ" 1992, № 12).

На поверхности получается таким образом, что "религиозные" публицисты борются за "духовность", понимаемую исключительно в религиозном духе, никакой иной они не знают и не признают. Чрезмерная, мол, забота о материальных условиях жизни приводит к оскудению "духовности". Очевидно, это следует понимать так, что чем хуже живет народ, тем выше его "духовность" в смысле все большего количества верующих. Ну что ж, вот вам и выгода! Только очень небольшая, ибо дальнейшее понижение уровня жизни может перейти черту, за которой начнется непредсказуемое, все сметающее на своем пути, в том числе и церковь, как это и было в 1917-м...

Но если не заниматься казуистикой, то выйдет так. Выступает, например, по ТВ умная энергичная деловая женщина, директор процветающего даже в наших условиях очень крупного овощеводческого хозяйства, с великолепным знанием дела говорит об экономике предприятия, с болью и горечью — о мучительных проблемах снабжения и сбыта, оплаты труда, нехватки оборудования и т.д. Вот она — бездуховна, поскольку ничего не говорит о боге и не соединяет будущее хозяйства с молитвой о даровании ему успеха. А некто написал 1001-ю книгу о какой-нибудь спорной проблеме богословия — вот он "духовен". Иван Худенко дни и ночи ломал голову над лучшей организацией сельскохозяйственного труда, разрабатывал новые принципы, внедрил их в практику, несмотря на бешеное сопротивление режима партократов, и жизнью заплатил за свою идею, дающую стране и народу больше хлеба и мяса, — вот он "бездуховен". "Бездуховен" академик А.Д.Сахаров, открыто боровшийся с режимом, генералитетом, реакционным съездом, — но "духовен" режиссер Ленкома, успевший уже спеть оду новому президенту...

Предприниматель — человек риска и личной ответственности, которая и есть подлинная духовность. Рождаемая его делом духовная энергия ставится на службу насущнейшим нуждам людей — уж какая тут "бездуховность"! Писатели, профессиональные духовные пастыри ("душелюбы" и "людоведы", по саркастическому определению некогда зубастой 16-й полосы "ЛГ"), многие из которых окрестились в самое последнее время, устроили постыдный базарный торг по поводу имущества бывшего союзного Литфонда. А вот портрет современного Штольца, президента Союза предпринимателей Беларуси Владимира Карягина. "— У вас есть машина, дача? — В этом отношении я аскет. Их нет даже в планах. Живу я в обычной двухкомнатной квартире, на пятом этаже без лифта... Главное мое богатство — профессиональная библиотека, наверное, одна из самых лучших в республике. В ней книги по экономике, управлению, психологии, антропологии — более 7 тысяч... За всю жизнь не был в отпуске. До сих пор не знаю, что такое дом отдыха или санаторий. Последние 5 лет работаю без выходных..." Вот — тот, кому призывает сопротивляться "свободный гуманитарий" Л.Бежин.

Словно под копирку, хотя это исключается, написаны признания многих из настоящих предпринимателей. "Это ведь ответственность, выдержка, умелый расчет, одно из самых увлекательных занятий человека, подлинная страсть — словом, образ жизни", — говорит руководитель центра "Форинтек" Александр Шелепень. "Во имя чего? Деньги ради денег?.. Как раз это не главное. Я создаю экономические системы, собственные предприятия. Здесь колоссальная ответственность и мощная интеллектуальная работа. Меня это страшно заводит, и все иные наслаждения меркнут перед одним: когда видишь, что твоя теория приносит практические результаты", — заявляет Константин Боровой. Сколь духовно беден в сравнении с этим "свободный гуманитарий", которому никогда не доведется насладиться созерцанием плодов своего труда!

"Страсть — все!" — сказал Гете. Дело поэзии — и поэзия предпринимательского "дела". И тем и другим движет страсть. И то, и другое — природный дар. "Без третьего сословия, без сословия собственников, обладающих генетической способностью приращивать национальное богатство, рискуя своим собственным благосостоянием и жизнью, — без него, оказывается, экономика не способна развиваться", — пишет Г.Лисичкин, еще в "Новом мире" А.Т.Твардовского отстаивавший идею рыночной экономики. Только варварское средневековое рассечение человека на "дух" и "тело" мешает людям понять, что лишь национальное богатство в состоянии решить все национальные проблемы в той мере, как они вообще могут быть решены.

Сомнительно, чтобы люди всерьез были убеждены в том, что материальное тело общества можно было бы привести в соответствие в требованиями XXI века, а "дух" оставался бы в подчинении канонам 2000-летней давности. Забота о "духовности", проявляемая антирыночниками, — это, повторяю, поверхность проблемы. Под нею прячется глубокий органический интерес — социальный, а потому и материальный в конечном итоге. Здесь у нас снова истина, как поезд из метро, выходит на поверхность. Карен Свасьян эссе "Ноу проблем" ("ЛГ" 1992, № 9) заканчивает пассажем, полным неприкрытой ненависти к штольцам и страха за свое будущее: скоро, говорит он, будет некуда деться "от всех этих рокеров, брокеров, спикеров, квакеров, маркетингов, дайджестов, рейтингов, рэкетиров и прочая с венчающей их Мистерией Христовой на бродвейский лад"!

Он прав: рыночная экономика как фундамент демократического плюралистического по духовным проявлениям общества не оставляет места надеждам на мистерии византийского лада, то есть на то, что православие займет прежнее положение государственной официальной привилегированной религии с естественно вытекающими из такого положения "сопутствующими" благами...

И все-таки... Александр Панарин пишет, что в случае слабости "среднего сословия" "сферу государственного геополитического творчества неизбежно займут фундаменталисты, которые государственное строительство понимают в первую очередь как религиозную войну".

Не слишком ли большое преувеличение? Так можно было бы думать, если бы мы не видели, как именно отражается в индивидуальном сознании стремительное нарастание событий. Еще вчера "патриотические" публицисты клеймили либеральную интеллигенцию за радикализм, обвиняли ее в "бесовстве". М.Антонов предупреждал, что некая "третья сила" вполне созрела для выступления. А ныне и либерал И.Золотусский задается вопросом: как нам изжить нигилизм и атеизм, то есть как покончить с инакомыслящими. А вчерашний ярый демократ Ю.Власов пишет в неокоммунистической "Правде": "Для всех наши сердца открыты, но врагов мы не пощадим. И православные святые не осудят нас".

Национал-патриоты под религиозными знаменами, да еще в блоке с коммунистами, — вот где наш общий тупик...

Как будут развиваться события — неизвестно, делать прогнозы на ближайшие месяцы и недели никто не решается, а природа, как железнодорожный кассир, справок не дает...

После путча, после начала реформ теоретически шансы "быть" и "не быть" уравнялись. Это — в случае продвижения по пути реформ, к Штольцу. По пути к Обломову исход только один: не быть. Времени на диванное возлежание у нас больше нет, и та щука, по велению которой Иванушка-дурачок ездил лежа на печи в лес по дрова, сложила свои полномочия. Теперь нужно делать все самим.

ФОРУМ

ВЛАДИМИР ЗВИНЯЦКОВСКИЙ, ЮРИЙ ПЕТРИК

ОТ ПЯТОЙ ГРАФЫ — К ПЯТОЙ КОЛОННЕ?

Авторы этой статьи — филологи из Киева: первый работает в Институте литературы Академии наук Украины, второй преподает русский язык и литературу в обычной киевской школе (кстати, в Минском районе). Вместе они составили программы интегрированного гуманитарного курса для русских школ в условиях славянского двуязычия. Естественно, учителей Беларуси, перед которыми авторы программ выступали с лекциями, интересовали не только теоретические обоснования курса, но и практические возможности его внедрения в условиях новой языковой и образовательной политики в Украине (в Беларуси условия во многом схожи). А в редакции "Европейского времени", куда авторов привели старые дружеские связи, они были спрошены в лоб: как нынче на Украине живется тем, кто по-прежнему считает себя русским?.. В ответ родилась эта статья.

1. ГОСУДАРСТВО ЗАЩИЩАЕТ...

Вы читаете русскую газету, дома говорите по-русски, да и выйдя за порог легко найдете, с кем поговорить на этом языке. Московскому телевидению вы отдаете предпочтение перед местным просто потому, что первое вам кажется более "настоящим" на фоне унылого антипрофессионализма второго. Короче говоря, сегодня по тем или иным причинам вы предпочитаете получать информацию на русском языке — а там будет видно...

Но вот вы беретесь за перо и пишете по привычному с детства адресу "Москва, Кремль" (не то чтобы вы действительно привыкли туда писать — просто с детства вам вдолбили, что "начинается земля, как известно, от Кремля"): "Дорогой Борис Николаевич! Я пенсионерка, всю жизнь проработала на Украине. Но в душе всегда чувствовала себя русской. Что мне теперь делать? Да, могу принять российское гражданство, но тогда мне надо отказаться от украинского..." Такие письма с удовольствием печатает московская пресса — вот уже целый год, и никак не надоест (это взято из "Литературной газеты", 29 июля 1991 г.).

Таковы, стало быть, два наиболее распространенных у нас подхода к самоопределению "русскоговорящей" личности. Два полюса — и ледовая пустыня между ними. Причем нельзя сказать, чтобы за истекший год украинской независимости новая государственность так уж склоняла людей к этим крайностям — люди приходят к ним скорее в силу ранее усвоенного опыта и воспитания в тоталитарной стране, где "все как один", где "я повсюду дома", а "кто не с нами, тот против нас" и "если враг не сдается, его уничтожают". Такая идеология отнюдь не способствовала выработке оптимистической психологии меньшинства *(меньшинство может быть только гонимым — диссидентским) — вот потому и неохота быть меньшинством, в том числе национальным ("нацменом"), у себя на родине. Либо уж — "население", как все, но только "русскоязычное" (хотя сам термин вопиет о третьесортности и будущей незавидной доле). Либо полноправные и гордые (неизвестно, правда, чем) граждане России, живущие на территории другого государства. И, добавим, в этом другом — автоматически всех прав лишенные. Ведь опубликованный проект конституции Украины (как и конституции подавляющего большинства стран мира) недвусмысленно запрещает двойное гражданство: призрак того ласкового животного, что двух маток сосет, бродит не только по Европе, а уж какие там нежности при нашей бедности!.. К чему тогда было огород городить, если своим гражданам не можем дать человеческий минимум, а должны еще дать полуминимум получужим?..*

Увы, реальность, до которой довели нас большевики за семьдесят с лишним лет, к сантиментам не располагает. И предлагает она нам, "нацменам", действительно только два выхода: или уезжать туда, где мы снова окажемся в большинстве, или стать лояльными гражданами там, где мы родились или по крайней мере оказались в настоящий момент. Взамен, как и все граждане, мы вправе требовать от государства того самого минимума — защиты личных, имущественных и всех прочих человеческих прав. Итак, будем верны и не будем суеверны, ибо тринадцатая статья проекта конституции Украины обещает: "Каждый имеет право на сохранение и защиту своей национальной принадлежности. Граждане Украины, принадлежащие к национальным меньшинствам, имеют право свободно проявлять, охранять и развивать свою этническую, языковую и религиозную самобытность, поддерживать свою культуру. Принадлежность к национальному меньшинству является делом свободного выбора личности. Государство защищает этническую, культурную, языковую и религиозную самобытность всех национальных меньшинств и заботится об обеспечении условий для ее самовыражения".

Не только проект новой конституции, но и "Закон о национальных меньшинствах в Украине", а также гарантированное отсутствие пресловутой "пятой графы" в новых паспортах, которые в скором времени получат все граждане Украины (по "нулевому варианту", т.е. все постоянные жители), — все это, на первый взгляд, ясно свидетельствует о том, что Украина твердо намерена, соблюдая общепризнанные права человека, постепенно идти от совкового понимания "национальности" к современному, цивилизованному, научному, основанному, наконец, на здравом смысле. Кстати, читатели "Европейского времени" имели возможность ознакомиться с таким пониманием "национальности" по статье одного из классиков русской филологии И.А.Бодуэна де Куртенэ (в № 3 за 1992 г.), правильно считавшего, что "в области национальности, без субъективного сознательного самоопределения каждого лица в отдельности никто не имеет права причислять его туда или сюда" и что "человек, недоразвившийся еще до понятия "национальности" и, стало быть, не будучи в состоянии определить свою национальность, не может быть причислен ни к какой национальности". За это Николай II посадил профессора филологии в Петропавловскую крепость. Сталин пошел дальше и, посадив тысячи филологов, ввел в "краснокожие паспортины" графу "национальность" (чего-чего, а этой мерзости в Российской империи не было). А вот независимое украинское государство первыми же своими конституционными актами не только собирается эту графу упразднить, но и четко заявляет в одиннадцатой статье закона о меньшинствах), что "граждане Украины имеют право свободно выбирать и восстанавливать национальность", а "принуждение граждан в какой-либо форме к отказу от своей национальности не допускается". Поэтому когда сегодня из московских коридоров власти доносятся причитания о "неправильных" границах и "плачевной" судьбе "11—12 миллионов" русских в "коммунистическом заповеднике" Украины, хочется спросить: кто же на самом деле "коммунисты" и "сталинисты" — не те ли, кто продолжает русских считать "по паспорту"? (Кстати, из двух авторов этой статьи только один "по паспорту" русский, второй украинец, но считает себя русским: что же, права этого второго борцов за "права русских в бывших республиках СССР" уже не волнуют?). И кого московская пресса наметила в очередные "душители и гонители" русской культуры — уж не Ивана ли Михайловича Дзюбу, нового министра культуры Украины, в недавнем прошлом филолога-диссидента, преследовавшегося КГБ за научный труд об истории русификации украинского народа?.. Тогда желательно было бы узнать подробнее и о тех, кого Иван Михайлович "прогнал" и кого "задушил"...

2. ГОСУДАРСТВО НАПАДАЕТ...

Но ежели читатель из всего вышеизложенного сделал вывод о том, что на украинской земле построен правовой рай для национальных меньшинств, нам немедленно придется его разочаровать.

Да, другим "бывшим" есть чему поучиться у Украины — в области грамотного, цивилизованного законотворчества. Но от создания закона до его принятия, от принятия до выполнения, как известно, путь неблизкий... И если бы тот же закон о нацменьшинствах вступил в действие уж сегодня — сколько же всяческой городской и районной номенклатуры, побежавшей впереди паровоза государственной независимости, оказалось бы под колесами! Ибо разве не с целью принудить русских к отказу от своей национальности (что, как мы видели, по закону запрещено) новосозданные райкомиссии по нацвопросу чуть ли не первым своим актом потребовали от директоров русских школ списков учителей, отказывающихся (без опроса детей и их родителей, без создания элементарных условий!) "украинизировать" свои классы или преподавание своего предмета?.. Разве не принуждение — единым росчерком пера завгороно 128 киевских школ с 1 сентября "перевести" из русских в украинские?.. Деятельность эта пока еще не антизаконна (ибо, повторяем, соответствующие законы пока не вступили в силу), а просто беззаконна. И этот разгул беззакония по-своему необходим, ибо оно-то и покажет, сколько у нас русских не "по паспорту", а по Бодуэну де Куртенэ — "доразвившихся" до понятия национальности. Пока статистика такая: из 128 школ лишь в одной родители все как один принесли директору письменные заявления: хотим, чтобы дети продолжали обучение на родном для них — русском — языке. А затем пошли к городскому начальству и спросили: "Почему 128 русских школ должны стать украинскими? Почему не 129?" — "Не знаем", — честно ответило начальство. - "А почему не 127?" — спросили родители. — "Тоже не знаем", — ответило начальство. — "А мы знаем, — сказали родители. — Мы, представители национального меньшинства, имеем право обучать своих детей на родном языке. И если вы это право сейчас же не подтвердите, мы тут же разделимся на две группы: одна пойдет просить политического убежища в посольстве России, другая — в посольстве США". — "Ну, ладно, мы вычеркиваем вас из приказа, — сказало начальство. — Но не боитесь ли вы сами, что ваши дети не научатся тому, чему надо научиться?.."

Честно признаемся: боимся. Ибо "чему надо" — этого никто у нас теперь не знает, даже министр образования. В тех странах, которые у нас принято считать "цивилизованными", существуют так называемые стандарты образования или образовательный ценз. И инспекторы минобраза занимаются там проверкой не учителей, а выпускников школ. Предположим на минуту, что и Украина и Беларусь тоже хотят стать "цивилизованными". Тогда, как основоположники ООН, эти страны берут на вооружение международные стандарты образования, установленные на базе этой организации, например, обеспечивают высвобождение из спецхрана и перевод на свои государственные языки "Настольной книги ЮНЕСКО для учителя-гуманитария" (Париж, 1981). Когда эта книга станет действительно настольной, учителя и без министерств увидят, чему они должны учить — а именно тому, что позволит выпускнику киевской школы жить в мире и взаимопонимании с выпускником не только минской и московской, но и парижской и токийской. Затем, конечно, во всех странах формулируются и, так сказать, внутренние стандарты: выпускник должен знать государственный язык (и обязательно — язык хотя бы одного из нацменьшинств), историю страны, ее национальные интересы, ее экономику, экологию и культуру (и экологию культуры!). Все эти знания — элементарные, минимальные и, главное, проверяемые. Если, например, мы, два киевских учителя, учили своих детей по-русски, но они, кроме русского, блестяще владеют украинским и английским и научены тому, чему действительно (а не в воспаленном воображении министерств) "надо научиться" для жизни в демократическом, цивилизованном мире (и для борьбы за такой мир) — то будьте любезны выдать им аттестат зрелости. Остальное — их и наше дело. Как мы их научили — мы можем и утаить. В конце концов, это наша работа, наша "коммерческая тайна"...

3. ПОЧЕМУ ОНО ТАКОЕ РАЗНОЕ, ГОСУДАРСТВО?..

"...И когда на других поприщах, не на воспитательном, неудачи постигали их, они разражались сетованиями на воспитание, все еще недостаточно приблизившее людей к искусственному представлению человека, какое они составили. Практические люди и теоретики, во всем расходившиеся, соглашались единодушно в том, что здесь лежит ключ ко всякому прочному успеху, и в меру того, насколько они чего-нибудь желали, к чему-нибудь стремились, они прежде всго напрягали усилия, чтобы овладеть этим ключом. Государство, так неизмеримо воспреобладавшее в XIX веке над всеми остальными сторонами народной жизни, естественно и получило в свое обладание этот ключ".

*Однако "для государства, как правового института, чуждого каких-либо субъективных принципов", непостижима та простая и ясная истина, что только "*цель *в воспитании, тот мысленный образ "человека и гражданина", какой оно стремится осуществить, может стать субъективной целью в государстве; но* средства *образовать его, но то, с помощью чего этот образ из мысленного мог бы стать действительным, как бы настойчиво они ни были применяемы им (т.е. государством. — В.З., Ю.П.), всегда и неизменно будут применяемы лишь внешним образом".*

Да простит нам читатель длинную цитату из "Сумерек просвещения" В.В.Розанова, написанных ровно век тому назад: это ведь не просто высказывание, а точный и полный научный диагноз. Вся тщета всех последующих забот всех будущих государств о "воспитании нового человека" видна здесь как на ладони. Все они начинали с недовольства собственным народом и желания "перевоспитать" его. В этом смысле нынешние националисты ничуть не лучше прежних коммунистов (впрочем, это ведь как правило одни и те же люди): они точно так же сетуют на недостаток энтузиазма (вместо того, чтобы немедленно заняться ранее запрещенной национальной филологией, химики и шахтеры требуют колбасы) и точно так же уповают на "просвещение", причем одинаково-всеобщее. Однако коммунистам было проще — они не должны были придерживаться прин-

ФОРУМ

ципов плюрализма и прав меньшинств, т.е. всего того, что уже провозгласили националисты. Провозгласить-то провозгласили — но истинными националистами так и не стали, т.е. националистами в современном западном понимании ("нация" — это страна в целом, многоязычная, поликонфессиональная, пестрая во всех отношениях), оставаясь во всем "гуманитарном" унылыми трайбалистами ("трайб" — племя, "трайбалисты" — те, кто выступает от имени узкой этнической группы с одним языком, единым набором символов, лозунгов). И когда на других поприщах, не на воспитательном, неудачи постигают их, они разражаются сетованиями на воспитание и образование, по их мнению, недостаточно "научные". Поэтому, например, министром образования Украины стал представитель технических наук, бывший

ректор политехнического института Петр Михайлович Таланчук...

Поневоле припомнишь тут, как оценивал большевистские потуги "онаучивания" образования А.Ф.Лосев в своей "Диалектике мифа" (за которую попал на Соловки): "Научный позитивизм и эмпиризм, как и все это глупое превозношение науки в качестве абсолютно свободного и ни от чего не зависящего знания, есть не что иное, как мещанское растление и обалдение духа, как подлинная, в точном социологическом смысле, мелко-буржуазная идеология. ...Для этого он и мыслит себя как хорошего банкира, который путем одних математических вычислений овладевает живыми людьми..." Э.Фромм в "Анатомии деструктивности" называет этот путь "присвоения живого" некрофильским, выводя затем из некрофильского отношения к миру — тоталитарное государство. Логика этого пути в первые годы советской власти хорошо представлена в книге ее идеологов Е.Полетаева и Н.Пунина "Против цивилизации", удостоившейся похвалы тогдашнего наркомпроса А.В.Луначарского за то, что авторы ее — "посмели". "Культурное общество — хорошая машина в полном смысле слова" — утверждали эти "посмевшие" авторы. "Любовь в культурном обществе возможна только как наслаждение", — заявляли они. Расцвет искусства для них — показатель деградации общества: "Там, где процветают искусства, там наверное недостает организации". Отсюда ненависть к русскому XIX веку, где "процветали искусства". "Я русский бы выучил только за то, что им разговаривал Ленин", — заявлял Маяковский: мастерски владея словом, он сознательно позволил себе эту двусмыслицу — "только" это достоинство русского языка, что им разговаривал Ленин, или "только" за это выучим, хотя есть и другие достоинства?..

И вот представим себе теперь поколение "технарей", вышедших из советской школы и выучивших русский язык по Маяковскому ("только за то..."), а затем и советский вуз, где "диалектику учили не по Гегелю" (а все по тому же Ильичу). Представим себе и типичного представителя этого поколения — вот хотя бы и министра нашего Петра Михайловича, который, в отличие от другого министра, Ивана Михайловича, прошагал по жизни отнюдь не диссидентом в национальной сорочке-вышиванке (за нее одну во время оно преподавателей гнали из школы), а вполне нормальным русскоязычным коммунистом, руководителем-технократом. И как вообще характерно это совковое разделение духовной жизни на "образование" и "культуру" (будто бы одно возможно без другого), так характерно для нынешнего национально-руководящего менталитета это "поручение" гуманитарию Ивану — "тонкого" дела культуры, а технарю Петру — "машины" образования, требующей всего лишь технической сметки, твердой руки и "научной" организации... И вот уже новый министр в своей программной речи щедро делится плодами собственного просвещения, причем начинает... с филологии. Как некогда Маяковский требовал бросить с корабля современности классиков русской литературы, так теперь наш министр образования требует изъять из программ школ Украины (очевидно, включая и русские?) тех же классиков вкупе с Маяковским. Но больше всего в статье министра досталось не русскому языку Маяковского, а почему-то "Русскому языку" Тургенева. Чем же три прелестные тургеневские фразы досадили нашему министру? Оказывается, шовинизмом.

В сталинские времена замечательный лирик Владимир Сосюра подвергся показательному линчеванию за то, что в одном стихотворении призвал украинцев любить Украину — А мы, грешные, не читали еще речей министра, когда, не сговариваясь, 1 сентября начали один — урок в русской школе, другой — лекцию для будущих учителей этой школы такими словами: "Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбах моей родины, — ты один мне поддержка и опора, о великий, могучий, правдивый и свободный русский язык! Не будь тебя — как не впасть в отчаяние при виде всего, что совершается дома? Но нельзя верить, чтобы такой язык не был дан великому народу!" Интересно, откуда нас теперь исключат и куда сошлют?.. А главное — кем заменят?.. Государственными чиновниками, которые по выражению В.В.Розанова, будут обучать "лишь внешним образом"?.. Но все это уже было. Во времена Розанова чиновники в рясах обучали "закону божьему" — и получили поколение материалистов, атеистов, революционеров. В юности нынешнего министра учили "без Россий, без Латвий жить единым человечьим общежитьем" — и получили поколение националистов. Что ж, попробуйте теперь всех без разбору, невзирая не только на "пятую графу", но и на родной язык, семейные традиции и проч. так же точно, "внешним образом", "учить любить Украину" (Литву, Беларусь и т.д.), так же точно, до тошноты, исполнять ритуалы "национальной гордости", как нас заставляли исполнять ритуалы "дружбы народов"... Нет ни малейшего сомнения, что в результате всего этого как раз получите "пятую колонну"!..

И поделом вам, раз не научились отличать утилитарно-некрофильское отношение к языку (выучу за то, что им разговаривал имярек) — от тургеневского чувства "поддержки и опоры": его только и может дать любовь, которую вы свели к двум крайностям — официальному ритуалу и животному "наслаждению" (стены киевских зданий, где официальный "трезуб" соседствует с "голой натурой", хорошо представляют наш вывернутый наизнанку "комплекс" любви; тогда как в подлинно цивилизованном мире и официальная символика встречается лишь в парадных подъездах "истеблишмента", и порнография прячется по темным углам, не смея явиться на улицу, где дети идут в школу).

"Культура, — говорит философ, — начинается там, где начинается любовь, где возникает привязанность... Только при этом условии возросшие в ней (в школе. — В.З., Ю.П.) поколения будут выходить на широкую арену жизни с любовью, с уважением к некоторому и, следовательно, со способностью любви и уважения ко всему. Исчезнет это несчастное "общее образование" — ни в чем образование, ибо в общей смеси, составленной из борющихся элементов, один поедает другого и им поедается сам" (В.В.Розанов, "Сумерки просвещения").

Государство не виновато в том, что не может научить ребенка, плохо понимающего и уж совсем не чувствующего язык Шевченко, — любить Украину и того же Шевченко. Государство — как тот армейский сержант с его поговоркой "я-научу-вас-родину-любить". Не научит!.. А мы научим — любить свое родное, вот хоть бы и того же Тургенева. И так пробудим способность любить и уважать — вот хотя бы и ту же Украину. Научим быть честными людьми и лояльными гражданами.

4. ЧТО ДЕЛАТЬ?

Коль скоро на сакраментальный вопрос "кто виноват?" мы дали ответ не вполне в традициях русской интеллигенции, да позволено будет нам в заключение не вполне традиционно ответить и на вопрос не менее сакраментальный — "что делать?". Виновато не государство, а наше собственное неумение пользоваться этим инструментом. Помните, Вечно Живой Ильич называл государство "дубиной или машиной" — так им и пользовался он сам и его наследники. Нынче этот номер не проходит — хотя бы потому, что, наученное горьким опытом XX в., мировое сообщество не допустит в XXI-й новых лениных и муссолини, сталиных и гитлеров (в общем, "некрофилов"). Урок Саддаму Хусейну служит тому примером. Нынче пока еще не "буря в пустыне", а буря в стакане воды подымается вокруг "русскоязычного населения окраин б.СССР". Но сделало ли само "население" все от него зависящее?.. Ведь не только ножом и вилкой — таким инструментом, как государство, тоже нужно научиться пользоваться по назначению, если хочешь считаться (лучше — быть) цивилизованным.

Что это значит для нас, "нацменов" — использовать демократическое государство (а "недемократических", хотя бы по заявленным намерениям, по вечной оглядке на Запад, в б.СССР, кажется нет), пользоваться правами его граждан?.. Во-первых, это значит, что все, кто хочет пользоваться правами национального меньшинства, должны твердо об этом заявить — не надеясь на "пятую графу" в паспорте, которая в цивилизованном обществе не значит ровным счетом ничего и которой вообще скоро нигде не будет. Демократическое государство не интересует "национальность" граждан, все они для него равны. Но если сами граждане заявляют, что хотят какой-то своей особой культуры, автономной от основной, "государственной", — это их святое право, и святая обязанность государства состоит в том, чтобы не только им не мешать, но защищать и помогать. Стало быть, нужно все это оговорить в конституциях новых государств, принять законы о нацменьшинствах и добиваться строгого их соблюдения. Русская школа, как школа одного из меньшинств, должна быть четко структурирована, строго отделена от школ национального большинства. Недопустимая профанация образования — обучение под одной крышей, по одним и тем же программам, одними и теми же учителями "русских" и "украинских" классов (или "русских" и "белорусских").

Однако при этом не следует забывать и о том, что, хотим мы того или нет, все мы — граждане одной страны (Украины, Беларуси), представители единой, хоть и разноязыкой, национальной культуры и что, например, русская школа Украины входит в единую систему национальной школы Украины. Вот почему в области образования каждое новое государство должно выработать единый для всех его граждан образовательный ценз (минимум, стандарт), сопоставимый с передовыми представлениями об образовании в странах мира (а в странах т.н.СНГ — между собой). Обеспечив своим детям этот минимум их последующего взаимопонимания — максимум их родители и учителя уже смогут определить по-своему. Прекратить, наконец, всем надоевший спор о том, обязательно ли всем скопом изучать русский язык и литературу. К чему, в самом деле, мы, русские, по-настоящему озабоченные воспитанием собственных детей, станем навязывать свою культуру ученикам украинских и белорусских, польских и литовских, еврейских и греческих школ?.. Неужто, мы и впрямь тоскуем по лаврам "имперского" народа?.. Да минует нас чаша сия!.. Мы с огромным удовольствием уступаем эту ношу — в Украине украинцам, в Беларуси белорусам и т.д. И от всей души им желаем оказаться достойнее ее, чем оказались мы... Как дай вам Бог любимой быть другим!.. На Пушкине свет клином не сошелся. Всего ценного в мировой литературе все равно не перечитаешь, тем более — не выучишь. Быть может, гораздо больше пользы вам и вашим детям принесет чтение на языке оригинала не Пушкина, а Шекспира, Гете или Ронсара. Лишь одно мы вправе пожелать тем, для кого родные языки — украинский или белорусский, кто чувствует себя в силе воспитать своих детей в духе этих, родных для них, культур: не повторите наших ошибок, не забудьте о существовании меньшинств, уважайте и изучайте их культуры — не хотите Пушкина, так изучите Мицкевича или Шолом-Алейхема, но тоже обязательно на языке оригинала, иначе ваш изоляционизм обернется против вас...

И пусть мы, учителя русского языка, останемся при этом без работы. Что ж — сами виноваты: плохо учили, не полюбили наши ученики ни Пушкина, ни нас... Но русские-то школы для наших собственных детей никто в демократической стране закрыть не посмеет. Их будет открыто ровно столько, сколько найдется родительских советов, местных русских общин, которые захотят такие школы не закрывать или заново открыть. И уж там-то, научив детей общеобязательному минимуму, отдав кесарю кесарево, мы и Пушкина, и Тургенева с ними непременно почитаем. И, смеем думать, сделаем это отнюдь не казенно, не благодаря и даже не вопреки чьим-то "руководящим указаниям".

Вот тогда-то душе настанет пробужденье — и для нее воскреснут вновь.. Далее — по тексту.

Киев — Минск — Киев.

ПАРАЛЛЕЛИ

ПЕТРУШКА ШУСТРОВА, редактор еженедельника "Respekt" (Чехия)

ПОЛЕМИКА ВОКРУГ ОЧИЩЕНИЯ

ТАЙНЫ СЛУЖБЫ БЕЗОПАСНОСТИ И ПРОБЛЕМЫ НРАВСТВЕННОГО СОСТОЯНИЯ ОБЩЕСТВА

1 января 1993 г. Чехословакия прекратила свое существование, разделившись на два государства. Чехии и Словакии еще предстоит выработать многие собственные законы. И вместе с тем будут ли отменены принятые ранее? Например, закон об очищении...

Закон, наводящий и нас, белорусов, на сложные размышления. Ведь вся та идеологическая война, которая кипит в нашей прессе, по сути замешана на тех же проблемах — морального очищения общества, нравственной самооценки. Бесполезна и опасна "охота на ведьм". Но не менее губительно для общества бесконечное стояние в болоте лжи и цинизма. Вот соображения, по которым мы предприняли перевод публикуемой ниже статьи.

* * *

"Охота на ведьм", — заявили левые либералы на Западе. "Бышие офицеры службы безопасности StB говорят свое последнее слово", — настойчиво утверждают их восточные коллеги, которые стоят на стороне коммунистов. Станислав Лем как-то спросил: "А кто-нибудь когда-нибудь видел ведьму?" Но эта аналогия обманчива. Женщины, которых в средневековье сжигали на кострах как ведьм, были невиновны. Ведьм не существовало никогда. Секретная же полиция и ее сотрудники существовали вполне реально. Обвиненные в колдовстве женщины заплатили своими жизнями. А что случилось с членами парламента, разоблаченными агентами секретной полиции?Они не ушли с постов по собственной воле, попрежнему принимают участие в разработке законов, которые будут управлять нацией.

Когда в начале 1990 г. новый министр внутренних дел Чехословакии вступил в должность, министерство стало получать письма от бывших служащих, которые были уволены после 1968 г. за антисталинские взгляды. Они имели большой опыт в отношениях с StB, сначала как функционеры, а позднее как субьекты, интересовавшие эту службу, и, хорошо знакомые с ее мощью, призывали к полному роспуску этого учреждения.

В тот момент, когда происходило формирование новой службы безопасности, было еще далеко не ясно, какие результаты принесут предстоящие выборы и как будет развиваться ситуация в Чехословакии. Коммунистическая партия была отстранена от власти, но продолжала цепляться за свою собственность. Ее организационные структуры по-прежнему оставались нетронутыми. Коммунисты не отказались от своей идеологии, а просто "модернизировали" ее. Только лидеры "бархатной революции", провозгласив всеобщую гармонию, верили, что коммунисты не попытаются вернуть себе власть.

Постепенно стало известно, что агенты службы StB играли активную роль в ноябрьских событиях 1989 г. и их последствиях. Они участвовали в работе групп вновь сформированного Гражданского Форума и вошли в гражданские комиссии, которые должны были решить, можно ли бывшим сотрудникам службы StB продолжать службу в министерстве внутренних дел. Некоторые из них участвовали в деятельности новых политических партий и даже баллотировались в парламент. Пожалуй, мы никогда не узнаем, действовали эти бывшие агенты после "бархатной революции" по своей инициативе или подчинялись инструкциям своих боссов из StB.

В ожидании парламентских выборов несколько политических партий обратились в министерство внутренних дел с просьбой о проверке прошлого своих кандидатов. Позднее стало известно, что бывший в ту пору министром Ричард Захер поручил это задание подчиненным, служившим в этом министерстве при старом режиме. В результате некоторые агенты StB избежали разоблачения. Более того, отдельные политические партии, в том числе Гражданский форум, оставили кандидатами лиц, в прошлом бывших агентами StB.

Первый крупный скандал в связи с разоблачением агентов StB разразился во время предвыборной кампании в июне 1990 г. Заместитель министра внутренних дел Ян Румл, вступивший на этот пост двумя месяцами ранее, обнаружил, что Йозеф Бартончик, один из лидеров Чехословацкой Народной Партии, пятнадцать лет служил агентом государственной безопасности. Бартончик шел первым в списке кандидатов своей партии и, скорее всего, был бы избран. Более того, впоследствии он мог быть избран спикером федерального парламента. Возглавляемое Захером министерство внутренних дел не разоблачило Бартончика.

Румл долгое время был активным диссидентом. После исключения его родителей из коммунистической партии в 1968 г. вся семья стала предметом пристального внимания StB. Румлу было отказано в просьбе посещать университет. Сама мысль о том, что новый президент, а им почти наверняка должен был стать Вацлав Гавел, будет приведен к присяге при вступлении в должность старым агентом StB, была абсолютно неприемлема для Румла. Поэтому он выступил по телевидению с разоблачением Бартончика. Прежде чем выдвинуть свое публичное обвинение, Румл встретился с лидерами партии Бартончика и обратил их внимание на коллаборационизм последнего. Он убеждал их убрать Бартончика из списка кандидатов, но успеха не добился. Бартончик участвовал в выборах и был избран.

Осенью 1990 г. федеральный парламент проголосовал за создание комиссии по расследованию причин ноябрьских событий 1989 г. и той роли, какую сыграли в них агенты StB и руководство коммунистической партии. Позже комиссия выдвинула предположение о проведении расследования с целью выявления бывших агентов среди членов парламента. Парламент принял это предложение в январе 1991 г. и приказал министру внутренних дел предоставить комиссии все нужные материалы. Было решено, что депутаты, уличенные в сотрудничестве с StB, будут поставлены об этом в известность и им будет предоставлена возможность уйти в отставку без огласки этого факта. Депутатов, отказавшихся уйти, будет ожидать публичное разоблачение. В конце февраля 1991 г. перед объединенным заседанием обеих палат законодательного органа представитель комиссии Петр Томан зачитал имена депутатов парламента, сотрудничавших с StB. Однако, последние отказались уйти в отставку. Национальное телевидение вело прямую трансляцию этого заседания. После разразившегося скандала парламент решил, что для удаления видных деятелей бывшего режима и их соратников с высоких постов в органах власти и управления необходимо принять закон. Федеральное правительство подготовило проект закона, который с поправками был принят парламентом.

В соответствии с законом об очищении, некоторым категориям лиц запрещается в течение пяти лет занимать посты в органах законодательной и исполнительной власти. К таким лицам относятся бывшие офицеры и осведомители службы StB, бывшие должностные лица и служащие коммунистической партии, начиная с районного уровня и выше, партийные чиновники, участвовавшие в управлении деятельностью StB, лица, принимавшие участие в акциях против диссидентов после 1948 и 1968 гг. Закон регулирует как порядок назначения на определенные посты в эшелонах управления, так и порядок ухода лиц с этих постов. В соответствии с законом уход должностного лица со своего поста является делом исключительно этого лица и контролирующего органа; в подобных случаях не может быть и речи о публичном наказании данного лица. Принятие парламентом закона об очищении вызвало бурные дискуссии. Одним из наиболее видных и активных участников дебатов, начавшихся фактически с публичного разоблачения Йозефа Бартончика Яном Румлом, был Ян Каван.

Ян Каван был одним из лидеров студенческого движения 1968 года. Уехав на учебу в Англию, он стал эмигрантом после того, как власти потребовали его возвращения. В семидесятые годы Каван основал в Лондоне пресс-агентство "Palach Press Agency". Эта организация распространяла информацию о лицах, преследуемых за свои взгляды в Чехословакии, и освещало события, игнорированные или искаженные официальной прессой. Кавану удалось наладить канал для доставки эмигрантских публикаций в Чехословакию и диссидентских статей на Запад. С крушением коммунистического режима в ноябре 1989 г. Каван сразу же вернулся в Чехословакию и начал работать в Гражданском Форуме. На выборах в июне 1990 года он завоевал место в парламенте.

Комиссия "17 ноября" обнаружила документы, свидетельствующие о сотрудничестве Кавана с иностранной разведслужбой StB в 1969—1970 годах. Каван не только передавал службе безопасности сведения о чешских и словацких эмигрантах в Англии и других странах, но и вел свою политическую деятельность в соответствии с инструкциями, полученными от StB. Комиссия "17 ноября" предложила Кавану уйти в отставку. Он отказался, настаивая на том, что встречался с одним из служащих посольства, а не офицером разведки. Каван не отрицал ни фактов передачи информации, ни того, что встречался с офицерами StB по возвращении в Прагу в конце ноября 1989 года; эти встречи были сняты на видеопленку, обнаруженную в архивах StB.

Сведения о Каване были преданы гласности. После этого в западной прессе стали появляться сообщения об "охоте на ведьм" и преследовании людей "в стиле Кафки". В этот период некоторые наблюдатели в Чехословакии стали довольно сдержаны в своих оценках процесса очищения. При этом они указывали, что лица, гонимые в течение многих лет, теперь оказались в состоянии решать судьбу своих бывших преследователей, внося их имена в списки сотрудников StB. Утверждая, что эти списки вполне могут быть сфальсифицированными, они обращали внимание на возможность организованной StB кампании дезинформации.

Но доверие к подобным аргументам тает по мере знакомства с процедурой, в результате которой имя человека оказывалось в досье StB. Когда офицер StB находил человека, желавшего сотрудничать, он заводил на него дело, где содержались краткие, написанные, как правило, от руки отчеты о каждой встрече с таким сотрудником. Копии этих отчетов в свою очередь вкладывались в дела, заводимые на всех лиц, названных осведомителем. Поскольку отчеты находились во многих делах и в каждом таком деле листы имели сплошную нумерацию, фальсифицировать такую массу документов затруднительно.

Все дела заносились в регистрационный журнал немедленно. В каждом из десяти региональных отделений StB велся такой журнал. Журналы представляли собой несколько общих тетрадей в твердой обложке. Под номером каждого дела указывались дата, фамилия лица, на которое дело заведено, все псевдонимы этого лица, фамилия офицера, ведущего дело, все изменения статуса лица и, наконец, дата окончания дела.

Сами по себе эти журналы не могут служить источником конкретной информации, но необходимы в качестве указателей к архивам StB. Фальсифицированные записи легко обнаружить. Журналы велись с пятидесятых годов, поэтому изменение цвета чернил, почерка и т.п. сразу бросается в глаза. Как указатели журналы абсолютно надежны.

Нет сомнения, что многие дела были уничтожены в ноябре-декабре 1989 г. Но еще больше их сохранилось. В течение многих лет дела в рутинном порядке отправлялись в архив StB. Во время "бархатной революции" все находившиеся в производстве и продолжающие пополняться дела были уничтожены. В архиве же они сохранились, и поэтому имеется огромный объем информации о деятельности StB.

Противники очищения в Чехословакии и во всем бывшем Восточном блоке утверждают, что полиция могла заводить дела на любого человека, который ничего не подозревал об этом. Конечно, жертвы StB вполне могли не знать о том, что находятся под наблюдением этой организации. Но создание и ведение "мнимых" агентов было бы крайне трудной работой. Каждый ведущий дело офицер находился под тщательным контролем. Периодически он должен был предьявлять своих агентов "вживую", например, во время встреч на тайной квартире, которые фотографировались или записывались на видеопленку. Офицеры должны были точно фиксировать, какие задачи ставились перед агентами и какая информа-

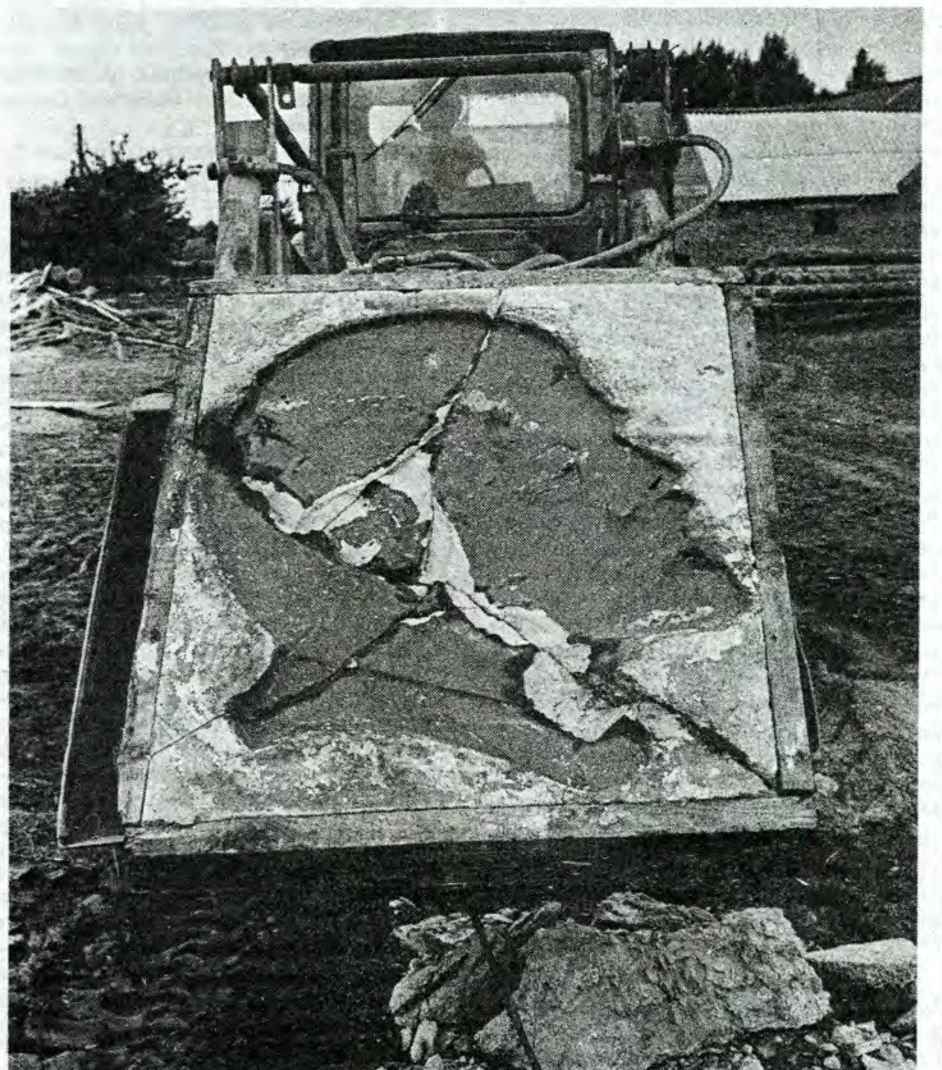

Фото А. Столярова.

ПАРАЛЛЕЛИ

ция от них получена. Копии отчетов агентов нужно было вкладывать во все связанные между собой дела. Кроме того, офицеры должны были оформлять расписки на расход средств, затрачиваемых на встречи с агентами. Говоря коротко, выполнение офицерами StB бюрократических процедур делало создание "мнимого" агента более сложной задачей, чем вербовка настоящего. Более того, если обнаруживалось, что офицер придумывал агента, его карьере приходил конец, а сам он становился предметом интереса своих шефов.

Теория о том, что служба безопасности фабриковала дела с целью дискредитации отдельных лиц, основана на предположении, что многие годы службе StB было нечего делать, как только готовиться к 17 ноября. "Дело" Йозефа Бартончика описывает пятнадцать лет его деятельности, а возраст "дела" Яна Кавана превышает 20 лет. Можно ли поверить, что какой-то офицер StB в 1969—70 гг. предвидел и двадцатилетнее пребывание Кавана в Англии, и его возвращение, и сфальсифицировал материал с целью его дискредитации в будущем?

Отлучение ряда лиц от работы в органах управления в соответствии с законом Чехословакии об очищении подверглось атаке со стороны Международной Организации Труда и ряда правозащитных организаций на Западе. Но опасения этих организаций лишены оснований. Никто не запрещает уволенным работать по специальности; им просто не разрешается занимать руководящие должности. Например, врач, бывший когда-то информатором StB, может продолжать практиковать в медицине, но не может работать министром здравоохранения в течение пятилетнего срока запрета, установленного законом об очищении.

Закон об очищении был принят большинством свободно избранных депутатов федерального парламента. Его принятие не было мотивировано жаждой мести, как нередко предполагается; депутаты скорее руководствовались своим жизненным опытом. Закон об очищении не направлен на наказание лиц за их прошлые деяния. Сотрудничество со службой StB в Чехословакии законом не наказуемо. Оно вызывает лишь моральное осуждение. Ни парламент, ни правовая система не наделены правом нравственного осуждения; люди должны взять эту ответственность на себя.

Как и другие страны бывшего советского блока, Чехословакия переживает период больших перемен. В это трудное время страна нуждается в лидерах, отвечающих высоким требованиям. Политики, которые по той или иной причине доносили на своих друзей и коллег репрессивным органам, не имеют права на руководящие должности.

В конце апреля 1992 г. директор информационной службы федеральной безопасности Стефан Бачински передал чешскому премьер-министру Петру Пихарту список членов союза журналистов, зарегистрированных в делах StB в качестве агентов. Премьер-министр публично заявил о существовании списка, не назвав при этом ни одного имени. В средствах массовой информации, в парламенте и правительстве начались дебаты о том, какой должна быть реакция на этот факт. Парламент Чешской республики принял решение, признающее необходимость принятия закона, позволяющего публиковать имена бывших агентов StB. Чешское правительство работает над проектом такого закона.

Список был передан спикеру федерального парламента. Затем депутаты решили, что он должен стать известным всем членам парламента. 29 апреля список был размножен и роздан всем депутатам. К нему была приложена записка, указывающая на совершенно секретный характер этого документа. На следующий день его опубликовали две газеты, а затем и другая пресса.

Опубликования имен бывших агентов требовали многие. Среди многочисленных групп и отдельных лиц, выступивших с таким требованием, две крупнейшие политические партии правого толка (ODS и ODA), Конфедерация Политических Заключенных, KAN и Антикоммунистический Союз. Вероятность публикации списков все больше возрастает.

Сеть сотрудников службы StB — раковая опухоль чехословацкого общества. Неужели трудно понять, что люди хотят знать в лицо всех осведомителей и агентов? Это не вопрос мести или суда, а просто желание быть уверенным в своих друзьях, в тех, кто пишет для наших газет, в тех людях, которые управляют нашей страной.

"Uncaptive Minds"
(Нью-Йорк, 1992, № 2(20)

Перевод с английского
Владимира Бабкина

ВЛАДИМИР СИНЕЛЬНИКОВ, кандидат технических наук

НОВОЧЕРКАССКАЯ БОЙНЯ

Новочеркасск. Жаркое лето 1962 года. Сколько уже написано про это, сколько свидетелей и участников рассказали миру о тех трагических днях. Да и актуально ли писать об этом сейчас, когда уже историей стали куда более страшные события (Тбилиси, Фергана, Вильнюс, Рига), когда сегодня льется кровь в Карабахе, Осетии, Молдавии и Абхазии. Куда ни глянешь — идет война, самая настоящая гражданская война. И все же, все же...

Я почти каждый год бываю в Новочеркасске, там живут мои родные. Разговариваю с разными людьми, вспоминаю тот страшный день 1 июня 1962 года. Кто-то пришел на площадь раньше, кто-то позже. Кто-то не был вообще, но ему рассказали. Тогда это у нас называлось — революция. Говорили — это было до революции или после. Так делилось время. Не хвастаясь, скажу — я никогда не боялся рассказывать о тех событиях друзьям, знакомым. Но какая-то неудовлетворенность все равно оставалась. Ведь мало того, что я видел. Оказалось, что почти все то, о чем я только догадывался в свои 17 лет, оказалось правдой. И вот об этой-то правде, о самом главном, о чем никто не хотел слышать ни тогда, когда об этом говорить было нельзя, ни теперь, когда можно, но вроде уже неинтересно, хочется рассказать...

В 1962 году я заканчивал первый курс Новочеркасского политехнического института. Новочеркасск — город студентов. Но и город рабочих. Четыре крупных вуза, шесть техникумов, шесть крупных заводов, и это все на 150 тысяч населения. Город с богатыми традициями, удивительно высокой, для своего масштаба, культурой. Там, например, имелась своя народная опера с очень неплохими голосами, драмтеатр, 8 кинотеатров, 3 гостиницы. В городе обучались иностранные студенты (а в Ростове — нет). В то же время имелись и достаточно сильные блатные традиции, питаемые близостью Ростова.

Так вот, я был студентом-первокурсником и одновременно рабочим на заводе постоянных магнитов, т.е. студентом так называемой "полуфабрикатной" формы обучения. То лето было чрезвычайно жарким. С первого апреля установилась сильная жара, и за всю весну не было ни одного дождя. С продуктами всегда было плохо, а в том году — особенно. За хлебом зимой и весной вставали в 5 утра. Все продукты только с базара. Но я этого не чувствовал, так как жил дома, зарплату отдавал матери, да и в 17 лет меньше всего думаешь о еде. Правда, водки не было в магазинах два-три месяца. Этот факт будет иметь большое значение для дальнейшего изложения. В заводском поселке, внизу, за городом, жили другие люди, мало похожие на наших, городских. Они к нам ездили редко, да и мы не очень часто появлялись там. Было известно, что поселковые очень грубые ребята. К тому же там образовался своего рода 101-й километр (установленная тогдашним законом граница для тунеядцев и разных "нежелательных элементов").

Была эпоха XXII съезда, времени полного развенчания культа Сталина, и мы, молодежь, поддерживали это развенчание с особым энтузиазмом. Тем обиднее было слышать недовольство старшего поколения, его глухое ворчание, особенно в среде бывших военных. Более того, чувствовалось, носилось в воздухе, что это недовольство кем-то усиленно раздувается: то хлеба нет, то сахара, то еще чего-то. А Суслов по телевизору встречает Хрущева в аэропорту и весь изгибается в холуйском поклоне...

Тридцатого мая я шел с работы, со второй смены. По улице Жданова двигалась колонна машин с солдатами. Посередине улицы стоял парень лет тридцати в робе и тельняшке. Он бросался под колеса передней машины и кричал: "Не пущу! Гады! А вы, студенты... Сегодня нас, рабочих, завтра вас..." Машина медленно продвигалась вперед, пока он не уступил дорогу. Минут через 20–30 в небе появился в полной тишине огненный крест. Все, кто были на улице, замерли, глядя в черное небо. И только через минуту стало понятно, что это горит в воздухе самолет. В полной тишине огненный крест скрылся в направлении Ростова. Этот грозный предвестник грядущего оставил в моей душе тяжелый след. Было такое чувство, что скоро наступит конец света.

Субботнее утро 1 июня выдалось особенно жарким. Накануне вечером по городскому радио было сообщение, что на НЭВЗе (электровозостроительном заводе) произошли какие-то беспорядки и что железная дорога перекрыта. С утра я отправился в "чертежку". В десять часов не выдержал жары и предложил своему приятелю пойти попить пива. "Идем, — сказал он, — заодно и танки на мосту посмотрим". На углу Московской улицы (главная улица города), не найдя пива, мы расстались. По улице шла плотная масса людей, она двигалась посередине улицы, как поток воды, — прямо к центру города. Увлекаемый этим потоком, я, отчасти из любопытства, а отчасти уже из-за физической невозможности вернуться назад, медленно продвигался к центру города. Толпа то становилась реже, то плотнее, кругом возбужденные разговоры о том, что было вчера на заводе, и что сегодня — день защиты детей, и демонстрация рабочих собралась у горисполкома возле парка и требует отмены знаменитого постановления о повышении цен на мясо и масло на 50 %. Оказывается, за день до этого постановления на НЭВЗе снизили расценки на 50 %, и литейщики оказались в безвыходном положении. Они-то и заварили всю кашу. Директора затолкали в бочку с машинным маслом, остановили поезд, не пустили войска на территорию завода. В толпе встречалось много знакомых городских "авторитетов", а также, как их сейчас называют, "синих" с низовки, из поселка. Но агрессивности у толпы не было. Было какое-то напряженное веселье. "Видите, что мы можем? И власть нам ничего не может сделать!! Потому что мы — народ!!"

Возле 1-й школы, милиции и банка народу было особенно много. Группа людей, человек 15–20, пыталась прорваться в здание банка. Вход держали несколько милиционеров. На крыше было темно от солдат. Конфликт у дверей накалялся, и вдруг с крыши раздался треск. Парень, который шел от меня метрах в 10–15, вдруг поскакал, поскакал и как-то боком свалился в канаву между тротуаром и проезжей частью. Толпа валила вперед и я, увлекаемый общим потоком, двигался дальше. На углу Московской и площади, у дверей гастронома, тети в белых халатах раздавали бесплатно... водку. Из решетчатых железных ящиков (они только что появились вместо деревянных), бесплатно раздавали водку. Это меня поразило тогда... Сегодня этот провокаторский "почерк" известен многим.

Когда я оказался на площади, увидел, как женщины били безоружного солдата, без ремня, с разбитым носом. Он стоял, вытирал кровь с лица, и жалобным голосом просил: "Женщины, ведь я такой же рабочий и крестьянин, как и вы..." Среди этих женщин была одна знакомая работница с нашего завода. Она в истерике била парня по лицу, а остальные держали его за руки...

Первый залп был сделан поверх толпы, прямо по деревьям в сквере, который находился за площадью. С веток, как яблоки, посыпались пацаны, густо облепившие деревья. Убежать сразу с площади из-за плотной толпы было невозможно, и в это кровавое месиво продолжали стрелять.

Я находился от переднего края метрах в двадцати. Лица стреляющих видел лишь мельком. Юношеская память короткая, и, рассказывая о пережитом, я, честно говоря, потерял это ощущение ужаса перед яростью толпы и беспощадностью пуль. Но пару лет назад по телевизору шла передача об этих событиях, и одна женщина, стоя перед дверьми исполкома, рассказывала, как толпа ринулась на дверь, и она спряталась там. И вот эта дверь вдруг ясно напомнила мне вой толпы, треск очередей, пространство сквера, пронизываемое пулями, кровь на асфальте и скамейках, людей с перебитыми ногами. Эти несколько минут ужаса показались мне вечностью. Навсегда осталось ощущение безумного страха перед толпой и перед автоматами. Стрельба длилась минут пять. На площади находилось около полутора тысяч человек. Стреляли в упор. Сколько там покосило людей, трудно представить. Но никак не 24 человека, как пишут в официальных источниках. Позади ряда стреляющих солдат ехали две пожарные машины и мощными струями смывали кровь с мостовой.

После этого расстрела началась настоящая уличная война. Когда часов в 7-8 вечера я вновь пришел на площадь, вся она была захвачена народом, на танках сидели знакомые ребята, солдаты были разоружены, исполком занят. Все ждали выступления Микояна. Он выступил по радио, а над городом кружил вертолет. Микоян говорил: "Братья, друзья, фронтовики, я прошу вас, разойдитесь..." И народ начал расходиться, преданный своими вождями и провокаторами, бубня под нос что-то невразумительное о Сталине, Никите и т.д.

Теперь, по прошествии тридцати лет, я понимаю, что удар был рассчитан точно. После этого расстрела Хрущев был обречен. Он так ловко угодил в эту ловушку, что выхода у него уже не было. В эту же ловушку попал и Горбачев, спустя 25 лет сначала в Алма-Ате, Сумгаите, потом в Тбилиси, Вильнюсе... Уверенность моя окрепла, когда узнал, что Козлов и Микоян были в Новочеркасске за 15 дней до событий.

Несколько лет назад в Минске я участвовал в митинге, посвященном новочеркасской трагедии. Колонна демонстрантов шла от Академии наук по проспекту до цирка, поворачивая налево к дому политпросвещения. На углу у цирка выскочили несколько боевых ребят и бросились на милицейский кордон. В колонне шли дети, беременные женщины... Какая могла получиться мясорубка, можно только гадать. Почерк был тот же, провокаторский. Неимоверными усилиями удалось предотвратить столкновение...

EXCLUSIVITE

СОБЛЮДАЮТСЯ ЛИ ПРАВА ЧЕЛОВЕКА В БЕЛАРУСИ?

ИЗ ДОКЛАДА ГОСУДАРСТВЕННОГО ДЕПАРТАМЕНТА США

Госдепартамент Соединенных Штатов Америки подготовил для Конгресса США доклад "Беларусь. Права человека в 1992 г." Пользуясь любезным разрешением посольства США в Минске, "Европейское время" публикует изложение этого документа с небольшими сокращениями.

С кончиной коммунистической партии в 1991 г. основная власть перешла к Совету министров, возглавляемому Вячеславом Кебичем. Этот орган обладает исполнительной властью и выпускает декреты, которые обладают силой законов. В Совете министров доминирующее положение занимают бывшие члены коммунистической партии, как, впрочем, и в Верховном Совете республики. Основная оппозиция состоит из членов Белорусского Народного Фронта.

В 1992 г. БНФ возглавил кампанию массового сбора подписей за референдум по роспуску Верховного Совета и новым выборам. Хотя было собрано 380 тысяч подтвержденных подписей (согласно закону, требуется не менее 350 тысяч), 29 октября 1992 г. Верховный Совет отверг референдум на спорных основаниях.

В январе того же года Верховный Совет принял решение о выводе Комитета государственной безопасности Беларуси из-под юрисдикции Совета министров, временно поместив его под контроль парламента. На самом же деле КГБ продолжает отчитываться Совету министров, как и председателю Верховного Совета Станиславу Шушкевичу. В то же время КГБ, похоже, подвергся реформированию, поскольку в 1992 г. оппоненты правительства не сообщали об актах преследования со стороны этой организации.

В докладе отмечается, что вооруженные силы не использовались в наведении порядка в связи с внутренними гражданскими делами. Нет данных также и о нарушении прав человека в армии. Но при этом необходимо учитывать то обстоятельство, что армия не открыта для общества и продолжает в этом смысле политику, которая проводилась в бывшем Советском Союзе. Есть сведения, подтверждающие, что милиция злоупотребляет властью по отношению к задержанным.

Правительство Беларуси объявило о намерении проводить рыночные реформы экономики, существующей в форме государственной собственности. Парламент принял законы об инвестициях, предпринимательстве, банкротстве, обсуждаются проекты законов о собственности, демонополизации и приватизации. Продолжаются субсидии на продуктовые и другие основные товары с тем, чтобы предотвратить социальные беспорядки. Правительство явно предпочитает социальную стабильность в обществе быстрому переходу к рыночной экономике. Власти предпочитают не закрывать предприятия, а предоставлять неоплачиваемые отпуска. А также — переходить на четырехдневную и еще более короткую рабочую неделю.

Экономика республики остается крайне зависимой от энергоресурсов, поступающих из России. Почти 80 процентов белорусского экспорта направляется в Российскую Федерацию.

В ряде областей жизни отмечается уважение к правам человека, несмотря на ограниченный характер политических реформ. Это прежде всего касается свободы передвижения, свободы слова и религиозной деятельности. Правительство не пыталось подавлять политическую деятельность. Только свобода органов массовой информации оказалась под давлением, поскольку правительство хочет ограничить критику своих действий, используя законы о клевете и продолжая спонсировать крупнейшие по тиражу ежедневные газеты.

Доклад отмечает, что в нынешней конституции Беларуси не содержится конкретного запрещения пыток и иных унизительных форм наказания. Сообщается об избиении в тюрьмах и других местах заключения. В некоторых случаях избиение заключенных официально санкционировалось. Например, по отношению к заключенным, избивающим или угрожающим избиением другим заключенным или работникам мест заключения.

Правительство утверждает, что фиксирует случаи использования силы охранниками и этим занимается прокуратура. Власти тюрем должны немедленно докладывать о каждом случае избиения заключенных. При этом должно проводиться их медицинское обследование. Новый проект конституции Беларуси подчеркнуто запрещает пытки и жестокие формы наказания.

Немало сообщений было о невыносимых условиях содержания в местах заключения. В оршанской тюрьме заключенные содержатся в переполненных камерах, в три раза больше положенного. Тяжело больных здесь лишают необходимого медицинского ухода. Те же трудности существуют и в тюрьме № 15 в Гродно, откуда сообщается о серьезных вспышках туберкулеза.

Власти объясняют такие условия отсутствием материальных возможностей, наплывом заключенных, которых возвращают из России и Украины, а также позицией местного населения, возражающего против строительства новых тюрем.

Сохранилась проблема "дедовщины" в армии. В 1992 г. не было сообщений о наличии политических заключенных в Беларуси. В то же время, как и прежде, власти могут произвольно задерживать людей без ордера на арест. Уголовный кодекс требует, чтобы в течение 72 часов задержанного или отпустили, или предъявили обвинение. В случае предъявления обвинения задержанный может оказаться в заключении на долгие месяцы без суда. По требованию прокуратуры задержанный может содержаться в предварительном заключении до трех месяцев. Но этот срок может быть продлен по требованию местного или республиканского прокурора до полутора лет. До половины задержанных за серьезные преступления содержатся в местах предварительного заключения. В Беларуси нет практики освобождения до суда или освобождения под залог задержанных, которые не могут переписываться или встречаться с родственниками без разрешения прокурора.

Фото Евгения Коктыша

Судебная система во многом осталась такой же, как и во времена Советского Союза. Некоторые судьи до сих пор не осознают роль независимой юридической системы и поддаются влиянию политического руководства. Судебные заседания, в основном, открытые, хотя под предлогом национальной безопасности они могут быть и закрытыми. На деле, однако, посещение даже открытых процессов может быть произвольно запрещено. Например, в июне проходил суд над депутатом Верховного Совета Евгением Новиковым, которого обвиняли в клевете. На этот процесс не допустили депутатов от оппозиции и журналистов.

Несмотря на усилия правительства по реформе органов государственной безопасности, продолжается прослушивание квартир и телефонов. По закону требуется предварительное разрешение на это прокурора. За исключением острой необходимости, для проникновения в частную квартиру необходим подписанный прокурором ордер на обыск.

Хотя свобода прессы обеспечена существующим законодательством, это не значит, что здесь нет нарушений. Правительство пытается использовать закон о клевете с тем, чтобы предотвратить нежелательную критику его действий. Оппозиционный ежемесячник "Свобода" стал объектом постоянных судебных процессов и штрафов за публикацию критических материалов, направленных против официальных лиц. Независимая газета в Гродно также привлекалась и проиграла судебный процесс. Судебное преследование депутата Верховного Совета Е. Новикова указывает на возможное желание властей ограничить критику правительства. А использование закона о клевете выглядит как попытка правительства подтолкнуть журналистов к самоцензуре.

Журналисты, не работающие для небольших независимых изданий или на российские газеты, оказываются вынужденными ограничивать или смягчать критику правительства. Правительственная служба информации еженедельно проводит встречи с редакторами спонсируемых властями газет, где обсуждается содержание и редакционная политика изданий. В течение 1992 г. крупнейшие по тиражу газеты переживали тяжелые времена, связанные с реформой цен. Пять из таких газет обратилось к правительству за помощью. Власти обеспечили основную финансовую поддержку, что, в свою очередь дало правительству право говорить о том, что надо и не надо печатать. Премьер–министр Кебич заявил, что он намерен предоставлять финансовую помощь всем изданиям, кроме оппозиционных. Председатель Верховного Совета Шушкевич выразил неудовлетворение таким состоянием дел и выступил против монополизации органов массовой информации в руках правительства.

Оппозиционый БНФ предложил закон, согласно которому правительство не может обладать более чем одним изданием. Тем временем министерство информации предложило проект закона, который обеспечит контролируемой прессе (но не независимым издателям!) значительные налоговые льготы.

Почти все радио– и телевизионные станции находятся в собственности государства. В течение года наблюдается явная тенденция к тому, что программы новостей все больше отражают позицию правительства. Обычно они избегают резкой критики руководства.

Беларусь по-прежнему транслирует передачи из России, включая телеканал "Останкино". Но государственная телерадиокомпания отказала БНФ и другим оппозиционным силам в эфире. Официальной причиной отказа было то, что предоставление бесплатного телевизионного времени для Народного фронта должно обязать правительство дать возможность выступать и другим политическим силам.

За разрешением на проведение демонстрации надо, как и ранее, обращаться к местным властям за десять дней до мероприятия. В 1992 г. не зафиксировано ни одного запрета на проведение демонстраций. Общественные демонстрации происходят довольно часто. БНФ и прокоммунистическая оппозиция чаще всего используют для этого главную площадь Минска.

Соблюдается в Беларуси и свобода религии. Однако, пока существует некоторая антипатия со стороны чиновников-бюрократов к религии, к основным конфессиям в целом, и, в частности, к еврейской общине.

Что касается места жительства и права на его выбор, то, будучи гарантированным законом, на практике оно ограничено. Несмотря на формальный отказ в 1991 г. еще советским правительством от системы прописки, в Беларуси она действует. Власти ограничивают число разрешений на жительство в Минске и пяти областных городах. Все жители Беларуси официально должны зарегистрировать свое место жительства.

Право граждан менять правительство, хотя и гарантировано законом, но еще не подверглось испытанию на свободных выборах. Нынешний парламент избран на пятилетний период еще в 1990 г. тайным голосованием.

Наблюдатели отмечают бюрократические препятствия со стороны правительства по части правозащитной деятельности, хотя в Беларуси уже создана лига прав человека и власти не ограничивают приезд правозащитных групп из-за рубежа.

При советской власти существовал официальный (государственный) антисемитизм. Доклад расценивает как беспрецедентный факт перемен возбуждение уголовного дела прокурором Беларуси против откровенно антисемитской газеты за разжигание межнациональной ненависти.

Независимое профсоюзное движение пока еще в зачаточном состоянии. Федерация профсоюзов Беларуси, объединяющая пять миллионов человек, не может рассматриваться как независимая организация, поскольку следует приказам правительства. Право рабочих создавать и объединять свои союзы регулируется законом о профсоюзах, принятым в апреле белорусским парламентом. Этот закон дает трудящимся право создавать независимые профсоюзы. На деле, однако, рабочие часто автоматически включаются в официальные профсоюзы. Независимые лидеры рабочих объединений считают, что социальные функции профсоюзов, осуществляемые государством (пенсионный фонд, например), являются препятствием для роста подлинных независимых профсоюзов.

Независимые профсоюзы Беларуси состоят из нескольких организаций: Свободные профсоюзы (около 10 тысяч человек), Конфедерация труда (около 4 тысяч), Независимый профсоюз шахтеров (3 тыс.) и союз авиадиспетчеров.

Право рабочих на организации нарушалось, когда исполком Минского городского совета неоднократно запрещал белорусской Конфедерации труда пользоваться помещением, где проводились собрания рабочих. Руководство предприятий, по сообщениям, угрожает членам Конфедерации труда увольнением с работы. Некоторые члены независимого профсоюза были уволены за свою деятельность. Например, работник третьего минского таксопарка Сергей Трухин был уволен под каким-то предлогом, а на самом деле — за свою профсоюзную деятельность. Именно так расценивают его увольнение лидеры белорусских профсоюзов. Закон о профсоюзах, однако, запрещает дискриминацию активистов со стороны администрации.

Верховный Совет установил минимальную заработную плату, которая периодически поднимается в соответствии с уровнем инфляции. Но минимальная зарплата слишком мала, чтобы обеспечить скромный уровень жизни. Существуют определенные условия техники безопасности на рабочем месте, требования, обеспечивающие заботу о здоровье трудящихся. Но эти стандарты часто игнорируются. Не существует централизованного эффективного механизма, обеспечивающего выполнение требований техники безопасности и охраны здоровья рабочих.

Перевод с английского А.Ступникова.

От редакции. Конечно, можно отреагировать на эти наблюдения с Капитолийского холма в духе "старых добрых времен": мол, дядя Сэм в своем глазу бревна не замечает. А у них там, у этих буржуинов, все в порядке с правами человека? В самом деле, почему бы министерству иностранных дел Республики Беларусь не подготовить доклад для Верховного Совета о соблюдении прав человека в США? И пусть какая-нибудь парламентская комиссия серьезно займется этим важным вопросом. А еще лучше направить в США делегацию для полного выяснения этой проблемы в составе, например, спадаров Трусова, Цумарова и спадарыни Семдяновой. Результат, полагаем, будет уникальный.

А пока поглядим, каковы мы в глазах американцев. Грустное, надо сказать, зрелище. В руководстве засилье коммунистов, реформы на нуле, печать и суд под пятой у властей, профсоюзы на коротком поводке у начальства, тюрьмы грязны и неприспособлены для содержания людей... Какая-то третьеразрядная, слаборазвитая африканская страна с зачатками демократического процесса. Впрочем, африканцы могут обидеться. И все-таки не будем отворачиваться от этого "странного" портрета, тем более, что в нем схвачены родимые черты.

ИВАН ИЛЬИН

ЧТО ЕСТЬ ИСТИННЫЙ НАЦИОНАЛИЗМ

В ряду столпов русского культурного ренессанса конца XIX — первой половины XX столетия философу, государствоведу, художественному критику и общественному деятелю Ивану Александровичу Ильину (1883—1954) принадлежит значительное место.

В 1922 г. по распоряжению Ленина Ильин вместе с известными русскими учеными, писателями, философами был выслан из Советской России. Долгие годы читал философские курсы в Берлине, Цюрихе. Но вот парадокс: не взирая на очевидную актуальность и злободневность многогранного наследия Ильина (философская и общественно-политическая публицистика; исследования по проблемам богословия, литературы и эстетики), книгоиздатели по-прежнему как бы охраняют нашего читателя от влияния "идеолога" белого движения, сотрудника журналов и газет Русского Общевоинского союза, не менее известного Национально-Трудового союза и вообще "чужого человека, иностранца, немца" (Бердяев). И.А.Ильин расходился концептуально не только с Бердяевым, но и с Розановым, Мережковским, Франком, Вячеславом Ивановым, Карсавиным. Дело в том, что с самого начала предмет его занятий далеко отстоял от главного русла русской философии начала века. Таким руслом было создание самобытной традиции религиозной философии, опирающейся на идейное наследие славянофилов и Владимира Соловьева. Ильин же штудировал классическую немецкую философию, занимался Гегелем (двухтомная работа "Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека"). Отсюда приверженность философа к формальному конструированию и отмеченный холодной риторичностью и педантизмом стиль его книг. И все-таки это не означает абсолютной принадлежности Ильина западной философской традиции. Стремление обнаружить жизненный нерв учения и его религиозные корни, способность видеть философию как драму творящего духа сближают мыслителя с его коллегами.

Мы публикуем главу из книги Ильина "За национальную Россию. Манифест русского движения" (1937 г.) В контексте нынешних споров о судьбах советских народов, предлагаемый фрагмент звучит удивительно свежо и уместно. "Бывают странные сближенья..." В моменты социальных катаклизмов иллюзорные покровы догм, наброшенные на реальность, истончаются, и бытие предстает во всей своей полноте, которую так глубоко и оригинально умел анализировать Ильин.

Вместе с тем считаем необходимым предостеречь читателя от чересчур прямолинейного восприятия того противопоставления национализма интернационализму, которое присутствует в публикуемом фрагменте. Ибо что есть на самом деле постижение через "истинный национализм" того "национального своеобразия других народов", о котором говорит Ильин? Как назвать это постижение, если не способность к интернациональному чувству? Другое дело, если иметь в виду время деятельности Ильина, понимать, что под "псевдохристианским или безбожным интернационализмом", он, конечно же, подразумевал обезличенное "братство народов", навязанное большевиками.

Владимир Кравцов

Есть закон человеческой природы и культуры, в силу которого все великое может быть сказано человеком или народом только по-своему, и все гениальное родится именно в лоне национального опыта, уклада и духа. Денационализируясь, человек теряет доступ к глубочайшим колодцам духа и к священным огням жизни. Ибо эти колодцы и эти огни всегда национальны: в них заложены и живут целые века всенародного труда, страданья, борьбы, созерцания, молитвы и мысли. Национальное обезличение есть великая беда и опасность: человек становится безродным изгоем, беспочвенным и бесплодным скитальцем по чужим духовным дорогам, обезличенным интернационалистом, а народ превращается в исторический песок и мусор.

Всей своей историей и культурой, всем своим трудом, созерцанием и гением каждый народ служит Богу, как умеет. И для этого служения каждый народ получает свыше дары Святого Духа и земную среду для жизни и борьбы. И каждый по-своему приемлет эти дары и по-своему создает свою культуру в данной ему земной среде.

И вот, национализм есть уверенное и страстное чувство, —

что мой народ действительно получил дары Святого Духа;

что он принял их своим инстинктивным чувствилищем и творчески претворил их по-своему;

что сила его жива и обильна, и призвана к дальнейшим великим творческим свершениям;

что поэтому народу моему подобает культурное "самостояние", как залог его величия (формула Пушкина), и независимость государственного бытия.

Итак, национальное чувство есть любовь к историческому облику и к творческому акту своего народа.

Национализм есть вера в его духовную и инстинктивную силу; вера в его духовное призвание.

Национализм есть воля к творческому расцвету моего народа — в земных делах и в небесных свершениях.

Национализм есть созерцание своего народа перед лицом Божиим, созерцание его истории, его души, его талантов, его недостатков, его духовной проблематики, его опасностей, его соблазнов и его достижений.

Национализм есть система поступков, вытекающих из этой любви и веры, из этой воли и этого созерцания.

Вот почему истинный национализм можно описать как духовный огонь, возводящий человека к жертвенному служению, а народ — к духовному расцвету. Это есть восторг от созерцания своего народа в плане Божием, в дарах Его Благодати. Национализм есть благодарение Богу за эти дары; но он есть и скорбь о своем народе, если народ оказывается не на высоте этих даров.

В национальном чувстве источник достоинства (Суворов: "Помилуй Бог — мы русские!"), источник братского единения ("Постоим за дом Пресвятыя Богородицы!"), источник правосознания ("Грозно служить и честно прямить").

Но истинный национализм учит и покаянию, и смирению — при созерцании слабостей и крушений своего народа:

"За все, за всякие страданья,
За всякий попранный закон,
За темные отцов деянья,
За темный грех своих времен,
За все беды родного края, —
Пред Богом благости и сил,
Молитесь, плача и рыдая,
Чтоб Он простил, чтоб Он простил!"
(Хомяков)

Истинный национализм открывает человеку глаза и на национальное своеобразие других народов: он учит не презирать другие народы, а чтить их духовные достижения и их национальное чувство, ибо и они причастны дарам Божиим, и они претворили их по-своему, как могли. Он учит еще, что интернационализм есть духовная болезнь и источник соблазнов; и что сверх-национализм доступен только настоящему националисту: ибо создать нечто прекрасное для всех народов может только тот, кто утвердился в творческом лоне своего народа. Истинное величие всегда почвенно. Подлинный гений всегда национален.

Такова сущность истинного национализма. И мы не должны колебаться в нем, внимая соблазнам псевдохристианского или безбожного интернационализма.

АВТОНОМИЯ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В ЛАТВИИ

В канун Рождества Христова в Риге состоялось заседание поместного Собора православной церкви Латвии. Хотя Собор длился немногим более часа, проходил и подготавливался в условиях достаточной секретности, на нем были приняты решения радикальные для судьбы здешнего православия. Во-первых, утвержден новый церковный устав и главное — Русская православная церковь Латвии приобрела новый статус. Патриарх Алексий II письменно отказался от притязаний Московской патриархии на собственность православной церкви в Латвии, объявив ее единственным законным владельцем и наследником церкви, существовавшей в Латвии до 1940 года. Отныне все вопросы внутренней жизни будут решаться на поместном соборе Латвийской православной церкви, а постоянное руководство будет осуществляться священным синодом из шести духовных лиц и шести мирян. Это не значит, что латвийская православная церковь приобрела статус автокефалии. Она стала первой автономией внутри Московской патриархии, с которой сохраняет каноническое единство.

Пересмотр статуса Русской православной церкви Латвии, насчитывающей 200 тысяч прихожан и 90 приходов, произошел по инициативе правительства, а точнее — министерства юстиции. По латвийским законам, все государственные органы и общественные организации должны быть восстановлены в их статусе до оккупации 1940 года. Но в тридцатых годах латвийская православная церковь находилась под юрисдикцией Константинопольского патриархата. Это дало основание министру юстиции Виктору Скудре наложить временный арест на имущество церкви. Чтобы вернуть свои имущественные права, руководству церкви необходимо было получить автономию от Московской патриархии. Положительному решению этого вопроса предшествовали длительные и сложные переговоры неоднократно приезжавшего в Ригу личного представителя патриарха Алексия II митрополита Ювеналия с председателем Верховного Совета Латвии Анатолием Горбуновым, премьер-министром Иваром Годманисом, другими руководителями республики. Владыка Ювеналий особенно подчеркнул, что он постарался максимально удовлетворить требования латвийских властей, не нарушив при этом канонических правил православной церкви.

Так что же, конфликт решен к удовлетворению обеих сторон? Оказывается, существуют и другие оценки события. Например, депутат Верховного Совета Латвии православный священник Алексей Зотов убежден, что под внешним изменением статуса православной церкви Латвии скрывается серьезная политическая подоплека. "Радикальному крылу латвийского правительства, — говорит он, — необходимо создать ситуацию ожесточенного конфликта между Россией и Латвией, и поэтому они разрушают нравственный стержень российской общины — православную церковь".

Алексей Зотов считает, что в результате деления некогда единой Русской православной церкви в республике уже появились 4 религиозных объединения. Это — автономная латвийская церковь под юрисдикцией Московского патриархата, латвийская церковь за рубежом под юрисдикцией Константинопольского патриархата, а также Русская зарубежная православная церковь и подворье Московского патриархата. Кроме того, священник Зотов убежден, что в латвийском правительстве достаточно чиновников, возражающих против даже канонического подчинения православной церкви Латвии Московскому патриархату.

Роберт Островский,
корреспондент радио
"Немецкая волна"
(специально для "Европейского времени").
Рига.

PERSONALIA

ЖИЗНЬ НА ИЗЛОМЕ ИСТОРИИ

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР ГАЗЕТЫ "ЕВРОПЕЙСКОЕ ВРЕМЯ" СЕМЕН БУКЧИН БЕСЕДУЕТ С ИЗВЕСТНЫМ ПИСАТЕЛЕМ ГРИГОРИЕМ КАНОВИЧЕМ

ПОЕЗД ИЗ ПРАГИ ПРИШЕЛ В МИНСК В ДВА ЧАСА НОЧИ. ДО ОТХОДА ПОЕЗДА НА ВИЛЬНЮС У ГРИГОРИЯ КАНОВИЧА ОСТАВАЛОСЬ ОКОЛО ПЯТИ ЧАСОВ. ВОТ ЭТО НОЧНОЕ ВРЕМЯ, ЗА ВЫЧЕТОМ ПОЕЗДОК НА МАШИНЕ С ВОКЗАЛА И НА ВОКЗАЛ, МЫ И ПРОВЕЛИ ЗА БЕСЕДОЙ В СПЯЩЕМ ДОМЕ, ПРИ ВКЛЮЧЕННОМ ДИКТОФОНЕ И ОСТЫВАЮЩЕМ ЧАЕ.

— Где были, Григорий Семенович, что видели?

— Был в Германии, в Чехословакии. Ездил туда по весьма приятному поводу. В Германии вышли вторым изданием "Слезы и молитвы дураков", а в Чехословакии издали роман "Нет рабам рая".

— Поздравляю. В наши малорадостные времена это действительно повод для хорошего настроения.

— Должен признаться, что это настроение было сильно омрачено другими впечатлениями. Я был в Германии в те дни, когда на улицы вышли так называемые "бритоголовые". Они громили общежития, где поселились иностранцы, гастарбайтеры, оскверняли еврейские кладбища. Об этом писали в газетах. Наверное, они хотели разрушить и память о гитлеровских преступлениях, когда уничтожали концентрационные лагеря, превращенные в места скорби о жертвах нацизма. А в Праге я случайно попал на митинг, устроенный Народно-республиканской партией, лидер которой требовал, чтобы немедленно из Чехии в Словакию выслали цыган.

— Говорят, национализм — знамя нашей эпохи...

— Я не принадлежу к тем, кто наполняет и сам термин и то, что стоит за ним, только черной краской. Национализм — сложное явление. Он может быть начальным строительным материалом, он может сыграть свою роль для обретения независимости. Но национализм не может быть долговременно работающей идеей. Если он становится таковой, то обязательно ведет в тупик.

— В этом плане на каком этапе своего пути сейчас находится Литва?

— Литва переживает сейчас начальный период своего национального возрождения. Но если эта эйфория будет длиться долго, то процесс может приобрести противоположные черты. Есть медовые месяцы национально-освободительных движений. Затем должна придти пора черновой работы, вдумчивого отношения к себе, к миру, к иным воззрениям.

— Поражение "Саюдиса", победа Бразаускаса, его Партии труда — это не свидетельство отступления националистических настроений, вообще какого-то отрезвления общества?

— Утверждать так было бы чересчур прямолинейно. Я не думаю, что голосовали за какую-то альтернативу "Саюдису". Люди не забыли, что коммунист Бразаускас был первым, бросившим вызов Горбачеву, всей империи. Когда компартия Литвы откололась от компартии СССР — это был первый шаг, предвещавший распад громадного государства, первый шаг к независимости тех народов, которые ее жаждали прежде других. И не надо забывать, что партия Бразаускаса тоже не лишена национальных амбиций.

— И тем не менее, в чем ошибка "Саюдиса"?

— Когда 11 марта была провозглашена независимость, этот успех был разделен между всеми. И "Саюдис" щедро поделился своим успехом с теми, кто поддерживал его — литовцами, русскими, белорусами, поляками, евреями... А после этого у "Саюдиса" не было успехов. Нельзя поделиться холодом в квартирах, высокими ценами... "Саюдис" стал жертвой идеологии, вытеснившей нормальные человеческие цели.

— Можно говорить о вытеснении одной жестокой идеологии другой, не менее жестокой...

— Увы, большевизм уходит, но остаются большевистские головы. Кстати, многие из тех, кто пошел под знаменами "Саюдиса", это бывшие коммунисты. Помните, в 20-е годы говорили о "попутчиках"? А сейчас у нас говорят — и на мой взгляд с полным основанием — о революционных карьеристах. О людях, перебегающих с одной баррикады на другую. Нельзя человеку запретить завтра быть умнее, чем вчера. Но нельзя не считаться и с тем, что резкая смена взглядов и позиций всегда вызывает сомнение в нравственном облике "перевертыша".

— Вероятно, с этим связаны скандалы, происходящие сейчас в высших эшелонах власти Литвы? Установление связей высшего чиновничества с КГБ... Это некий необходимый этап? Болезнь, которую надо преодолеть?

— Через некое очищение действительно нужно пройти. Но, с другой стороны, мне кажется, что уже начинает внедряться принцип коллективной вины. Когда у нас говорят о десоветизации, декагебизации, речь идет не только о тех, кто действительно запятнан и должен подвергнуться, по крайней мере, моральному осуждению. Речь идет буквально о всех, кто состоял в партии или на государственной службе. "Саюдису" как раз и "удружил" этот хор голосов, требовавший замены всех государственных чиновников.

— А пришли неумехи...

— Да, пришли люди, идеологически подкованные, но не очень профессиональные. Отсутствие чувства меры мстит любому политическому движению.

— Каким образом приход к власти сторонников Бразаускаса может сказаться на судьбе людей, которых называют национальными меньшинствами? Кстати, мне ужасно не нравится это словосочетание — "национальные меньшинства".

— Мне тоже не нравится это выражение. Я думаю, что большая часть русского и польского населения голосовали за Бразаускаса. Догадываюсь, что среди поляков было больше людей, отдавших свои голоса не за список "Союз поляков", а за Бразаускаса. Все эти люди были движимы одной мыслью, что он человек, хотя и не столь яркий, как Ландсбергис, тем не менее может с большим успехом учитывать их жизненные интересы. Хотя должен сказать, что считаю весьма позитивной позицию Ладсбергиса. Он великолепно проявил себя, когда решил предоставить литовское гражданство всем, кто этого пожелает. Это ведь самоубийство: своими руками произвести на свет полмиллиона арабов, говорящих по-русски, и ждать, когда начнется интифада. Несколько сложнее ситуация с поляками, у которых есть свои серьезные претензии к властям. На мой взгляд, ошибки совершили обе стороны. Польская сторона чересчур доверилась своим большевистским вожакам. А литовская сторона отождествила большевистских вожаков с той массой, что шла за ними. Думаю, Бразаускас все это учитывает.

— Литва — страна многонациональная, с разнообразными культурными традициями, притяжениями — белорусскими, польскими, еврейскими... Сейчас устанавливаются границы. Есть тревога, что это нарушит естественное культурное взаимодействие.

— Но для того, чтобы страны сняли барьеры, нужно, чтобы они обрели настоящую независимость. Пример тому — Маастрихтские соглашения. А пока нужен и ключ и засов. Чтобы чувствовать себя хозяином в своем доме.

— Но какова будет плата за это наше всеобщее рассоединение? К трупам, ежедневной крови мы привыкли... Ну, а в культуре? Неизбежный провинциализм, возвращение к местечку?

— Вы, пожалуйста, не обижайте местечко. Это наша вторая Библия.

— Я знаю, что вы певец старого литовского местечка. Это родина героев ваших романов. Но я имею в виду прежде всего старую черту оседлости, некую границу, отделявшую людей от большого мира. Давайте будем справедливы. Литовская поэзия, литовская проза — эти феномены литературы получили мировую известность через русский язык.

— Я сам переводил на русский Авижюса, Сруогу, Слуцкиса... Несомненно, русский язык помог литовской литературе обрести то почетное место, которое оно сейчас занимает. Потеря этого канала будет весьма чувствительна. И не только для литовской литературы, но и для украинской, для многих... Какие были тиражи, какой действительно массовый читатель!

— Разрушились литературные, издательские связи, но ведь одновременно приказал долго жить и литературный распределитель под названием "Литература народов СССР", через который вовсю пери отпирая таланты, бездари, приспособленцы...

— Что касается меня, то я вообще долгие годы не был допущен в московские издательства. Когда впервые за двадцать лет литературной работы зашла речь об издании моей книги "Свечи на ветру" в "Советском писателе", мне предложили указать, что это перевод с литовского, мотивировав тем, что в таком случае книга легче пройдет... Я отказался, потому что книга написана на русском языке.

— Полагаю, что это было не первое препятствие на вашем писательском пути?

— Самое главное это, конечно же, найти себя, свой мир. Я написал девять романов, в которых живет мой мир, живут близкие мне люди. Ситуация же моя, как литератора, просто уникальна. Русские не считали меня русским писателем, потому что я писал на еврейскую тему. Евреи не считали меня еврейским писателем, потому что я писал по-русски. А литовцы не считали меня литовским писателем, потому что я писал на еврейском материале и на русском языке. Но в этой уникальной ситуации я нашел для себя много ценного. Она дала мне возможность не быть ангажированным в какой-то одной литературе.

— Ну сейчас-то вы, можно сказать, литовский классик.

— Я знаю, что вы имеете в виду. Да, литовская критика пишет обо мне как об одном из лучших писателей Литвы. Хотя, может быть, и без большого на то основания. В 1988 г. я был удостоен национальной премии Литвы. Это почти невозможное у нас для иноязычного писателя. Все, чего я достиг в Литве, — это только благодаря Литве. Хотя, повторяю, никогда не был и не стал для нее своим. Всегда была какая-то дистанция, какой-то зазор что ли...

— А как сегодня с этим зазором?

— Тут следует посмотреть на ситуацию шире. В последнее время я, как и многие писатели, ощутил себя совершенно одиноким, выброшенным на обочину. Я понимаю, что это слом истории, переход в какие-то другие условия жизни. Но есть личная боль. Я лишился огромной читательской аудитории. Лучшая моя книга "Козленок за два гроша" вышла приложением к "Дружбе народов" тиражом в двести тысяч экземпляров. Было время, когда я ежедневно получал до десятка писем от читателей. Сейчас мои книги выходят в Литве, но маленькими тиражами. Живу с ощущением как-то сжавшегося вокруг меня и все холодеющего мира. Но я не жалуюсь, ибо понимаю объективность происходящего. Я написал новый роман "Не отврати лица от смерти" — о событиях 1939—1941 гг. Он опубликован в журнале "Вильнюс" и хорошо встречен и в Литве и литовской эмиграцией. Я впервые попытался рассказать об участии евреев в событиях 1940 г. Зная мои романы, вы не станете возражать против того, что национальная самокритика присуща моему творчеству.

— Сегодня это более чем не модная тема.

— Кстати, и ранее некоторые еврейские писатели в письмах ко мне отмечали, что не могут понять, кто я: то ли антисемит, то ли сионист. Большая часть склонялась к тому, что я даю пищу антисемитам самим изображением евреев в своих романах.

Для советской официозной еврейской литературы я был элементом весьма нежелательным. Арон Вергелис, официальный еврей номер один, редактор журнала "Советиш геймланд", не мог слышать моего имени. Он считал меня сионистом.

— Раз мы вышли на еврейскую тему, хочется вспомнить вашу нашумевшую года два назад статью "Еврейская ромашка". Как сегодня видится вам эта проблема еврейского гадания — уезжать или не уезжать?

— Я слыву неисправимым пессимистом, ибо не верю в будущее евреев на земле, которая недавно называлась Советским Союзом. Несмотря на огромное количество всех этих обществ и организаций с их лозунгом возрождения еврейского народа. Еврейская история на этих просторах завершается. Оазисы не отменяют пустынь.

— Но кому-то они нужны, эти оазисы?

— Прежде всего они нужны новоявленным политикам. Очень приятно придти к Бабьему Яру и сказать: "Дорогие евреи, я вас люблю!" Но я не хочу, чтобы о нас вспоминали в дни траура, у братских могил. Я не желаю, чтобы нас показывали иностранцам: "Смотрите, у них есть своя жизнь". Я не хочу видеть, как при этом американцы распускают умилительные слюни. Это дешевка.

— Не связываете ли вы невозможность существования здесь полнокровной еврейской культуры с абсолютной подорванностью еврейского интеллектуального потенциала, национального корня? Некому... Есть культуртрегеры, ребята-шустряки, которые сделали себе занятие, род заработка, что, впрочем, вполне нормально.

— Нет, это ненормально, когда еврейство становится профессией. А оно должно быть судьбой. Для меня лично еврейство было судьбой.

— Не чересчур ли вы строги?

— Чересчур? Но ведь еврейский народ находится сейчас в невероятном смятении. Его ситуацию можно определить как ситуацию вокзала. Но народ не может жить на вокзале. Это вовсе не означает, что все стремятся в Израиль. Это прежде всего желание вырваться отсюда. Это недоверие к декларациям новых лидеров, от которых разит лицемерием. Мы опять становимся разменной монетой в политической игре против империалистов. Сейчас мы пешки в заигрывании с прежними империалистами. В статье о "ромашке" я писал о трех путях нашего еврейства. Первый — репатриация, необязательно в Израиль. Это желание примкнуть к большой и цивилизованной этнической группе, потому что у нее можно найти законную защиту. Второй путь — ассимиляция, долгая и утомительная. И третий — это убыль, естественная смерть. Четвертого пути нет.

— Но ведь есть люди, которые хотят жить здесь...

— Они должны знать, что их безопасность ничем не обеспечена. И дело не в "Памяти". Самое страшное это так называемый анонимный антисемитизм. Страшны люди, которые себя вовсе антисемитами не считают, но в любую минуту они готовы на черное дело. Эти люди в известный период всегда выходят на улицы тех стран, где нет демократии, нет закона.

— Но мы начали разговор с ваших довольно мрачных воспоминаний о только что увиденном в Германии и Чехословакии...

— Там власть, общество дали отпор. У нас власть молчит. И это ее молчание весьма красноречиво.

СВЕТЛАНА АЛЕКСИЕВИЧ

ЗАЧАРОВАННЫЕ СМЕРТЬЮ

ГЛАВЫ ИЗ КНИГИ

Суды в Минске завалены делами об "оскорблении чести и достоинства в печати". Это наша "вывихнутая" демократия работает, вроде пьяного купчика из пьесы Островского: "Не ндравишься ты мне — потому по судам затаскаю..." Вот и нашего автора, Светлану Алексиевич, подняли из-за письменного стола. Нашлись люди, пожелавшие погреть руки на "разоблачении" популярной писательницы. Оказывается, что-то не так передала в "живых речах", составивших вышедшую уже несколько лет тому назад книгу "Цинковые мальчики". И вот раздувается судебный скандал, нагнетаются страсти. Несчастных афганцев, их матерей заставляют "добиваться правды" только в суде. Афганская трагедия продолжается. страшный обман целого поколения хотят прикрыть добытой в суде "законной правдой".

Но правда в книгах С.Алексиевич. Мы продолжаем публикацию трагических "портретов эпохи".

ИСТОРИЯ ЧЕЛОВЕКА, КОТОРЫЙ ЛЕТЕЛ, КАК ПТИЦА

Иван Машовец —аспирант философского факультета, 33 года

Из рассказа друга, Владимира Станюкевича:

— ...Он, конечно, хотел уйти незамеченным... Был вечер. Сумерки. Но несколько студентов из соседнего общежития видели, как он прыгнул. Он открыл окно в своей комнате настежь, стал на подоконник и долго смотрел вниз. Потом повернулся спиной, очень сильно оттолкнулся и полетел... Он летел с двенадцатого этажа...

Шла мимо женщина с маленьким мальчиком. Малыш поднял вверх голову:

— Мама, посмотри: дядя, как птица, летит...

Он летел пять секунд...

Все это мне рассказывал участковый милиционер, когда я вернулся в общежитие. На следующий день в вечерней газете увидел снимок: он лежал на асфальте лицом вниз... В позе летящего человека...

За день до этого он встретил меня в коридоре:

— Зайди обязательно. Надо поговорить.

Вечером несколько раз я стучал к нему, он не открывал. Через стенку (наши комнаты рядом) я слышал: он — там. Ходит. Взад—вперед. Мечется. "Ну, — думаю, — зайду завтра". На другой день разговаривал с милиционером.

— Что это? — Милиционер показал мне как будто знакомую папку.

Я нагнулся над столом:

— Это его диссертация...

Все листы были перечеркнуты. И красным карандашом — по диагонали, наотмашь: "Ерунда!! Бред!! Ложь!!" Его почерк... Я узнал...

Он все время боялся воды... Еще со студенчества я помню, что он боялся воды. Но никогда не говорил, что боится высоты...

Не получилась диссертация, ну, и черт с ней! Из-за этого что ли прыгать с двенадцатого этажа? Сколько людей сегодня переписывает свои кандидатские, докторские, а сколько боятся признаться вслух, как они у них назывались. Может он решил: я сброшу и эти одежды, и эту физическую оболочку...

Однажды мы с ним говорили о том, что социализм не решает проблему смерти или хотя бы старости. Проходит мимо...

Он занимался марксистской этикой... Я был свидетелем, как в букинистическом магазине он познакомился с каким-то сумасшедшим. Тот тоже рылся в книгах о марксизме. Потом мне передал: "Послушай, что он сказал: "Это я — нормальный, а ты — страдающий". Ты знаешь, он прав". Я думаю: он был искренним марксистом и понимал марксизм, как гуманитарную идею, для которой "мы" — гораздо больше, чем "я". Зайдешь к нему в комнату, он лежит обложившись книгами: Плеханов, Маркс, биография Гитлера, Сталина, сказки Андерсена, Бунин, Библия, Коран. Это все он читает сразу. В памяти остались отрывки его мыслей, но лишь отрывки. Я восстановил их уже после... Ищу смысл его смерти... Не повод, не причину... Смысл! В его словах...

— В чем разница между ученым и священником? Священник то, что не познано, через веру познает. А ученый пытается проникнуть в нечто через факт, через знание. Знание рационально. Но, возьми, к примеру, смерть. Просто смерть. Смерть дальше мысли...

Мы, марксисты, взяли на себя роль служителей церкви. Мы сказали, что знаем ответ на вопрос: как сделать всех счастливыми. Как!? Любимая книга моего детства — "Человек-амфибия" Беляева. Я недавно ее перечитывал. Это же ответ всем утопистам мира... Отец творит из сына человека-амфибию. Он хочет подарить ему мировой океан, осчастливить, изменив человеческую природу. Гениальный инженер... Ему мерещится, что он проник в тайну... Что он — бог... Но он сделал сына самым несчастным среди людей...

Феномен Гитлера еще долго будет волновать умы. Возбуждать. Все-таки как запускается механизм массового психоза? Матери на протянутых руках несли детей: "На, фюрер, возьми!!"

Мы — потребители марксизма. Кто может сказать, что он знает марксизм? Знает Ленина, Маркса? Есть ранний Маркс... И Маркс в конце жизни... Эти полутона, оттенки, вся эта цветущая сложность нам неведома. Никто приращения знаний не дает. Мы все — интерпретаторы...

Нынче мы завязли в прошлом, как раньше в будущем. Мне тоже казалось, что я это всю жизнь ненавидел, а, выходит, любил. Люблю?.. Неужели можно любить эту лужу крови? Это кладбище? Из какой грязи, из какого кошмара... На какой крови все замешано... Люблю...

Вчера предложил профессору новую тему для своей диссертации: "Социализм — как интеллектуальная ошибка". Он ее не утвердил. Сказал: "Бред". Мол, с таким же успехом я могу заняться расшифровкой Библии. Что же, бред — тоже творчество... Старик растерян. Ты же знаешь: он не из долдонщиков, но то, что произошло, для него личная трагедия. Нет ее, марксистско-ленинской этики... А жизнь прошла... Мне надо переписать диссертацию, а как ему переписать жизнь? Сейчас каждый из нас должен реабилитировать себя. В психиатрии есть такая болезнь — раздвоение-растроения личности. Больные ею забывают свою фамилию, социальное положение, своих знакомых и даже детей, свою жизнь. Растроение личности... Это, когда человек не может соединить свою личную точку зрения, официальный взгляд или государственную веру и свои сомнения... Сегодня психбольницы переполнены учителями истории, преподавателями вузов... Чем лучше они внушали, тем больше развращали... По меньшей мере, три поколения... И еще несколько заражено... Но как таинственно все ускользает от определения... Соблазн утопии...

Как у Джека Лондона... Помнишь, его рассказ о том, что жить можно и в смирительной рубашке? Надо лишь ужаться, вдавиться и привыкнуть... И даже будешь видеть сны...

Теперь я анализирую... Я понимаю, что он совершенно был готов к уходу...

Пьем чай, он неожиданно говорит:

— Я знаю свой срок...

— Ванечка, что ты! — воскликнула моя жена. — Мы тебя только женить собрались.

— Я пошутил. А вот животные никогда не кончают жизнь самоубийством. Не нарушают хода...

Назавтра после этого разговора кастелянша нашла в мусорном бачке его почти новый костюм, и паспорт лежал в кармане. Прибежала к нему. Он смутился, пробормотал что-то вроде того, что был пьян. Да в рот не брал! Паспорт оставил себе, костюм ей подарил: "Он мне уже не нужен".

Он решил сбросить свои одежды, эту физическую оболочку. Он тоньше и подробнее нас знал, что ожидает его там. Ему нравился возраст Христа...

Можно представить, что он свихнулся. Но за несколько недель до этого я слушал его реферат... Железная логика... Блестящая защита!

Однажды я ему посоветовал покопаться в детских воспоминаниях, желаниях, о которых мечтал, а потом забыл. Их можно сейчас выполнить... Он никогда не говорил со мной о своем детстве. Вдруг разоткровенничался. С трех месяцев он жил в деревне с бабушкой. Когда подрос, становился на пенек и ждал маму... Мама вернулась, когда он окончил школу, с тремя братиками и сестричками — каждый ребенок от другого мужчины. Учился в университете, оставлял себе десять рублей, остальную стипендию отсылал домой. Маме... "Я не помню, чтобы она мне что-нибудь постирала, хотя бы один носовой платок. Но летом я опять поеду в деревню: переклею обои, починю забор. И если она скажет мне ласковое слово, я буду счастлив..."

У него никогда не было девушки...

...Приехал за ним из деревни его брат. Он лежал в морге... Стали искать женщину, чтобы помыла, одела. Есть такие женщины, которые этим занимаются. Она пришла пьяная. Я сам одел его...

В деревне сидел с ним один. Среди стариков и старух. Брат не утаил правду, хотя я просил его не говорить ничего, хотя бы матери. Но спьяну он проболтался. Два дня лил дождь. На кладбище машину с гробом тащил трактор. Старухи испуганно и усердно крестились: "Сбожеволил человек..." Поп не давал хоронить на кладбище: грех не прощаемый... А председатель сельсовета приехал на "газике" и разрешил...

Возвращались в сумерках. Мокро. Разрушено. Пьяно. Подумалось, что праведники и мечтатели почему-то всегда выбирают такие места. Они только тут и рождаются... Всплыли в памяти наши разговоры о марксизме, как единой планетарной цивилизации. О том, что первым социалистом был Христос. И о том, что тайна марксистской религии нам до конца непонятна, хотя и стоим по колено в крови.

КОЛЛАЖ

СУДЬБА ЛИБЕРАЛИЗМА В РОССИИ

ИНТЕРВЬЮ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ РЕСПУБЛИКАНСКОЙ ПАРТИИ РОССИИ В. ШОСТАКОВСКОГО

Белорусский политолог Ольга Абрамова взяла это интервью у Вячеслава Шостаковского, председателя Республиканской партии Российской Федерации во время съезда Международного Движения Демократических Реформ, происходившего в Москве в декабре минувшего года.

— Как вы оцениваете вынесенную на съезд МДДР Евразийскую Хартию?

— Очень негативно. В основу доклада председателя исполкома И.Смирнова положена неверная методология, отрицающая какую-нибудь роль сообщества людей. История-де творится усилиями царей, вождей, президентов. Сообщество людей — это нечто второстепенное. Когда Смирнов упоминал референдум о судьбах Союза и республиканские референдумы, он разделил их на "чистые" и "нечистые". В основу оценки референдумов кладется принцип революционной целесообразности. Это попросту манипулирование сознанием людей. И в Хартии присутствует тот же подход. Из контекста следует: интегративные процессы пойдут сами, никаких усилий не потребуется. Очень искусственная схема. Вспомним историю России. Ведь Российская империя формировалась через своеобразную колонизацию. Были включены два фактора — военной силы и экстенсивного земледелия. Проще было запахать лишний гектар, чем как-то повышать урожайность. С трибуны съезда нам говорят о естественном, вековом тяготении и "стягивании" народов друг к другу. Естественности-то было меньше всего. То есть опять налицо большевистский подход.

— Имеет ли будущее либеральная идеология в России?

— Бесспорно. В прошлом судьба либерализма в Российской империи была драматична. Попытки либеральных реформ конца 19—начала 20 вв. были отринуты. В этом — корень всей последующей трагедии. Сегодня ситуация иная.

— Как вы лично относитесь к идее создания, скажем так, "Либерального интернационализма" из либеральных партий и движений, действующих в странах Содружества?

— Такой союз можно организовать. Это расширило бы и социальную базу движения. Начать следует с установления межпартийных контактов, введения системы консультаций по наиболее значимым для нас вопросам.

— Какие политические силы России могли бы войти в такое объединение?

— Республиканская партия РФ, Партия экономической свободы Борового, Лига кооператоров и предпринимателей России, либеральное крыло "ДемРоссии", фракция ВС РФ "Согласие ради прогресса". Возможно, парламентская фракция "Радикальные демократы". Скорее всего, еще до апрельского референдума у нас пройдет съезд либералов России.

— Как вы оцениваете главные итоги YII съезда народных депутатов РФ?

— Один из главных итогов YII съезда, который пока не осознан в публицистике, ни в политологии, — это отторжение политического радикализма.

— Что думают предпринять либералы России в связи с ростом влияния социал-этатизма, "государственничества" на всех уровнях?

— Структурная перестройка, растущая безработица — этим должны озаботиться все ветви власти. Верховный Совет РФ должен принять закон, по которому люди, создающие новые рабочие места, будут поддерживаться различными льготами. Надо также исправлять ошибку, которую совершило правительство Гайдара, когда, начиная реформы, не подумало о создании социальной базы, политической поддержки своей программы. Об этом стали беспокоиться только поздно осенью, когда угроза смены "кабинета реформ" стала реальной.

— Ваше отношение к Егору Гайдару и проводившейся им экономической политике?

— Я — приверженец политики Гайдара. У него не было никакого иного выхода. Ноябрь—декабрь 1991 г. сегодня почему-то никто не вспоминает. Товаров не было, — одни пустые прилавки. Рубль упал, и никому не был нужен. В экономике царил голый бартер. У людей короткая память.

НАУЧНО-ИННОВАЦИОННАЯ КОМПАНИЯ

ПРИГЛАШАЕТ

к сотрудничеству ученых и инженеров.

МЫ ПРЕДСТАВИМ НА МИРОВОМ РЫНКЕ

Ваши конкурентоспособные *ИДЕИ, ИССЛЕДОВАНИЯ, РАЗРАБОТКИ* и будем оказывать *ОРГАНИЗАЦИОННУЮ, ЮРИДИЧЕСКУЮ И ФИНАНСОВУЮ ПОМОЩЬ* при осуществлении совместных проектов с *ЗАРУБЕЖНЫМИ ПАРТНЕРАМИ*.

Тел. для контактов: 0172-31-42-67.

О "КОМПРАДОРАХ", ИЛИ К ВОПРОСУ О РАСШИРЕНИИ "ПАТРИОТИЧЕСКОЙ" ЛЕКСИКИ

Белорусская политическая лексика обогатилась термином "компрадорская буржуазия". Попробуем разобраться. "Компрадор (исп.comprador) — туземный купец, посредничающий между иностранным капиталом и местным рынком на Филиппинских островах и в некоторых восточных странах и в прежнем Китае; компрадоры играют реакционную роль, способствуя проникновению иностранного капитала на рынки этих стран и удушению их промышленности, что ведет к усилению гнета и эксплуатации трудящихся. Компрадорская крестьянская буржуазия в прежнем Китае, тесно связанная с иностранным капиталом (главным образом, американским), а внутри страны — с феодальными землевладельцами, составляла экономическую и политическую основу реакционного антинародного гоминдановского режима, свергнутого в 1949 году победоносной народной революцией в Китае" (Словарь иностранных слов. Москва, 1954).

В начале 50-х годов с идеологическими противниками не церемонились. Впрочем, более современные источники, в частности Большой Энциклопедический Словарь 1979 г. дает определение "компрадорской буржуазии" практически такое же, дополняя, что она характерна для "империалистической системы колониализма". Тот же словарь сообщает, что эта система окончательно сформировалась в конце 80-х годов и наступила эпоха неоколониализма: посредством кредитов, инвестиций и т.п. капиталистические страны закабаляют независимые развивающиеся государства. Выход, который должны избрать развивающиеся страны, указывается один — "некапиталистический путь развития". К сожалению, словарь не дает никакого определения термину "некапиталистический путь развития". Может быть, для него подошла бы известная прибаутка советской эпохи: "Они делают вид, что платят, мы делаем вид, что работаем".

Отметим, что идеологические конструкции коммунистов всегда отличались точностью формулировок и безупречной логикой. Например: "Учение Маркса всесильно, потому что оно верно". Факт существования в сознании некоторых политических деятелей Беларуси "компрадорской буржуазии" влечет за собой и явление "некомпрадорской буржуазии". Так сказать, в дополнение к принятым в цивилизованных странах понятиям "работодатель", "налогоплательщик", "госслужащий" и т.д. Но может ли амбициозная группа, состоящая в большинстве своем из археологов-реставраторов и этнографов, один из лидеров которой недавно сообщил, что у них нет экономической программы, определить, какие сделки, кредиты, инвестиции, субвенции в текущий момент или в долгосрочной перспективе подрывают национальные интересы, а какие — нет? Следуя логике этих деятелей, современники русского царя, жестоко подавлявшего картофельные бунты, несомненно должны были считать его компрадором. Результат: благодаря царскому режиму Республика Беларусь имеет национальную сельскохозяйственную культуру.

Для жителей послевоенной Европы план Маршалла это уж точно компрадорские происки. Западная Европа, принявшая этот план, живет сейчас на зависть восточным соседям именно благодаря этим "проискам". А как, кстати, выглядит Совет Министров РБ, получивший от Австрии инвестиционный кредит?

Да, единственным способом быть "некомпрадорской буржуазией" остается право на всеобщую нищету. Причем эти идеологические мероприятия требуют еще и финансовой поддержки. Все поделим, а там видно будет...

Провозгласившие своей первоочередной задачей заботу о состоянии душ избирателей, новые устроители "всеобщего счастья" продолжают отравлять сознание соотечественников старой коммунистической демагогией.

Ф.Тэн

РЕДАКЦИОННЫЙ ДНЕВНИК

ПАВЕЛ ГУТИОНТОВ,
председатель Российского комитета по защите свободы слова и прав журналистов

О ЦЕНЕ БУМАГИ И ВЛАСТИ

Недавно один из руководителей российского парламента попросил меня представить соображения о роли средств массовой информации во взаимоотношениях представительной и исполнительной власти.

То, что захотели выслушать человека, последнее время постоянно критикующего позицию парламента по отношению к прессе, — конечно, хорошо, а мне лично — так и приятно. Другое дело, сам вопрос представляется несколько надуманным: пресса отнюдь не играет самостоятельной роли в указанных взаимоотношениях, а лишь отражает их с большей или меньшей степенью объективности. К тому же "прессы вообще" не существует — как, говоря словами Писарева, не существует "вообще рыбы" или "вообще птицы": есть щуки, караси, судаки, ястребы, петухи и перепелки. Которые и ведут себя соответственно по-разному. Конечно, можно считать, будто "эти газеты — что "День", что "Куранты", что "Независимая" — одинаково разрушительны" (так, кажется, однажды выразился Р.И.Хасбулатов), но это явное упрощение. Происходит совершенно естественный (а у нас явно запоздавший) процесс — дифференциация прессы вдоль всего политического спектра.

Но мне кажется, что ни представительная, ни исполнительная власти этой реальности признать и тем более подстраиваться под нее пока не хотят. И, мне кажется, я знаю, почему.

Еще на этапе обкатки закона в комитетах ВС России мы пытались убедить депутатов внести поправку, ЗАПРЕЩАЮЩУЮ учреждение СМИ любым органам как исполнительной, так и представительной власти. Само существование общественно-политических изданий правительства, парламента, Советов всех уровней, изданий, питающихся из бюджета и находящихся в связи с этим в привилегированных условиях, объективно сохраняет государственную монополию на слово, и никакой иной логикой оправдано быть не может. Достаточно сказать, что содержатся эти издания в том числе на средства подписчиков совсем других газет и еженедельников. Вполне естественно, если пропаганда политических взглядов руководителей правительства, парламента, местных администраций и Советов появится на страницах газет, поддерживающих их партий, общественных групп, коммерческих структур и так далее. Но это уж никак невозможно на деньги налогоплательщика. Сохраненной у нас с коммунистических времен практики невозможно представить себе нигде в цивилизованном мире. Орган сената США? Газета президента Франции? Еженедельник Совета Большого Лондона? Помимо всего прочего сохранение существующей структуры подталкивает власть к политическому и экономическому уничтожению своих независимых оппонентов. Это происходит и на общероссийском уровне (дело "Известий" или прошлогодние предупреждения минпечати "Независимой газете" и "Московским новостям"), и особенно широко на местном.

Представляется, что по-человечески понятное раздражение представителей власти критикующей (не восхваляющей, то есть шельмующей) прессой затмевает в их глазах простой и очевидный факт: мы на пороге краха печати. Избавиться от постоянного, надоедливого и не всегда корректного оппонента, конечно же, хочется каждому, но последствия такой "победы" не хочется даже представлять.

В то же время существующая система дотаций непосредственно редакциям многообразно порочна и не оправдывает себя ни экономически, ни политически, ни морально. Во-первых, этих дотаций не хватает (по нашим подсчетам дотации покрывают едва ли треть от необходимого). Во-вторых, им все равно не угнаться за ростом цен на ту же бумагу. В-третьих, они запаздывают (выделенные еще в марте минпечатью средства на дотирование "Рыбного Мурмана" газете не поступили и к октябрю — в отличие от напоминаний со Страстного бульвара о необходимости отчитаться за их использование). В-четвертых, они развращают получающих подачки и побуждают распределяющих эти подачки "заказывать музыку".

Отношение к прессе со стороны властей наглядно демонстрируется и тем, что за год действия Закона о СМИ ни один чиновник России не был привлечен к предусмотренной ответственности за отказ в предоставлении информации журналистам. И, уж конечно, свидетельствует это не только об идеальной организации работы ведомственных пресс-служб. Зато вполне можно говорить о безнаказанной коммерциализации отношений между ведомствами и журналистами. Свидетельством тому — скандальные факты ПРОДАЖИ информации работниками государственных учреждений, в которых последние не стесняются открыто признаваться. Отсутствие официальной реакции как правительства, так и парламента на ставшие известными позорные факты такого рода удручает. Так без оценки остались и многочисленные заявления нашего комитета, и "белая книга" иностранных корреспондентов, аккредитованных в Москве, распространенная еще в марте.

Убежден, что "четыре власти" должны не сотрудничать друг с другом, а дополнять друг друга.

Иначе по-прежнему мы будем иметь только ОДНУ власть со всем отсюда вытекающим.

("Новое время", № 47)

СРЕДИ ГАЗЕТ И ЖУРНАЛОВ

"Пока депутаты спорят, какой быть новой Конституции, жители Беларуси однозначно высказались за сохранение в ней гарантий, которые были закреплены в Конституции Белорусской ССР. Гарантиям на труд сказали "да" 82,9 процента респондентов, на социальное обеспечение в старости — 88,3, бесплатное образование и бесплатное медицинское обслуживание — более 74 процентов" (Игорь Котляров. Левый поворот. — "Правда", 27 января).

Если к этой цифири добавить, что "13,7 процентов населения республики полностью доверяют Партии коммунистов Беларуси", то картина и впрямь впечатляющая. Так и видишь: под водительством 13,7 процента остальные 86,3 % идут в бой за "гарантии". Если это было в 1917 г., то почему не повторить в 1993-м? Мы ведь страна вечной борьбы, неутихающего социального сражения. Опыт мировой цивилизации не для нас. У нас особый путь, высчитанный с помощью социологических процентов, над которыми усердно трудятся доктора и кандидаты наук, выпестованные компартией БССР.

* * *

"Классификация "врагов народа" по Сталину известна. Его лавры, видимо, не дают покоя г-ну Ю.Добелиусу, и он обогатил новейшую историю своим "открытием", разложив по полочкам всех, кто думает иначе, чем наш депутат. "Открытые враги", по Добелиусу, это "СМ-сегодня", "Панорама Латвии" и др. Есть еще "скрытые экономические враги". Не умеешь работать — ищи виноватого. Анонимный доносчик публикует в авторитетной газете "Неаткарига Циня", а "Ригас балсс" перепечатывает, как метко назвал его труд журналист Эдуард Говорушко, "Протоколы русских мудрецов", сработанные тем же способом, что и "сионских", но на более низком профессиональном уровне. По аноннимму, врагами народа становятся все школы с русским языком обучения" (Владимир Битый. Плохо дело — ищи врага. — "СМ-сегодня", Рига 25 января).

Одно и то же — в Риге, Кишиневе, Киеве, Минске... Каждый "осколок империи" — крепость, осажденная внешними и внутренними "врагами". Увы, это состояние осады будет продолжаться долго, поскольку "вышли мы все из народа", с крепко попорченными на большевистский манер мозгами.

* * *

"Новейшие статистические данные говорят о том, что в последнем месяце минувшего года заработная плата в шести фундаментальных хозяйственных отраслях выросла на 8,6 процента. В то же время цены на товары и услуги поднялись только на 2,2 процента. Это означает, что реальная заработная плата выросла в декабре в среднем на 6,4 процента. В целом в 1992 г. цены выросли на 44,3 %. Зарплата в шести фундаментальных отраслях хозяйства — только на 39 %. Стоит, однако обратить внимание на то, что при несомненно худшем положении дел в первом полугодии 1992 г., во втором при росте цен на 17,7 % зарплата выросла на 36,7 %, что говорит о реальном прироста зарплаты в последние шесть месяцев на 19 %",
("Rzeczpospolita", Варшава, № 13).

"—Я, — продолжал рабочий, — собрал 10 миллионов злотых и предложил хозяину войти с ним в пай, но он отказал мне. А ведь если бы я получал часть дивидендов, то никогда не допустил бы на своем участке ни воровства, ни пьянства, ни брака. Ведь от успеха на работе я получал бы не только зарплату по контракту...

Этой фразой польского наемного рабочего сказано очень много. Бурное развитие экономики Запада началось именно с того момента, когда от противостояния и конфронтации различные социальные группы общества перешли к массовому сотрудничеству" (Станислав Гусак. То, что хочет польский рабочий, у нас должно стать реальностью. — "Народная газета", 23 января).

Заместитель председателя Объединенной демократической партии Беларуси С.Гусак в своих прекраснодушных пожеланиях забывает об одной "мелочи": путь к классовому сотрудничеству занял на Западе столетия. Возможно, мы будем двигаться быстрее, но это будут, по крайней мере, десятилетия. Надо смотреть правде в глаза: будут обиженные и недовольные, будут бедные и богатые — таковы законы рыночной экономики. Не надо строить воздушных замков. Гораздо полезнее — помочь людям в поиске своего места в новых экономических условиях. И не морочить им голову, что польский рабочий с его 10 миллионами злотых при нынешних ценах в Польше может быть серьезным компаньоном для предпринимателя. Зарплата в шести важнейших отраслях уже опережает рост цен — вот свидетельство того, что многие в Польше уже поняли простую истину: надо надеяться на себя, на свои руки и голову.

* * *

"Так что платить за квартиру придется не больше, чем на рынке за модные сапоги... А квоту (право на нее имеют и те, кто умер после 1 июля 1992 г.) можно оформить и позже. А потом подарить ее, завещать, вложить в приватизацию основных фондов, земли..."(Валентина Довнар. Приватизация жилья: сто вопросов — сто ответов. — "Рэспублiка", 27 января).

Приятно, конечно, что в суверенной Беларуси даже покойники, пусть не все, а только ставшие таковыми после 1 июля 1992 г., могут свободно распоряжаться своими жилищными квотами. Кстати, насчет контрольной даты можно поспорить в Верховном Совете. Почему бы, например, не сделать эту планку подвижной для особо почетных покойников?

* * *

"Сепаратистская мысль до сих пор работает над созданием антропологических, этнографических и лингвистических теорий, долженствующих лишить русских и украинцев какой бы то ни было степени родства между собой. Сначала их объявили "двумя русскими народностями", потом — двумя разными славянскими народами, а позже возникли теории, по которым славянское происхождение оставлено только за украинцами, русские же отнесены к монголам, к туркам, к азиатам" (Николай Ульянов. Происхождение украинского сепаратизма. — "Наш современник", 1992, сентябрь—октябрь).

Русский философ и писатель "второго поколения" эмиграции Н.И.Ульянов (1904—1985) выпустил свою книгу, фрагмент которой опубликовал "Наш современник", в Нью-Йорке в 1966 г. Спустя двадцать пять лет Украина объявила о своей независимости. Неужто это победа всего лишь сепаратистской мысли, вступившей в союз с коммунистической бюрократией в период растерянности и разноголосицы в народе? Философ Ульянов уже не ответит на этот вопрос.

Spiritus flat ubi vult

Свободный дух веет, где хочет

«ЕВРОПЕЙСКОЕ ВРЕМЯ»

Международное обозрение. Республика Беларусь. Издание зарегистрировано в Министерстве информации РБ, № 542

Главный редактор Семен БУКЧИН

FINITA

ФЕЛЬЕТОН

БЫТОВОЕ ЯВЛЕНИЕ

Судья. — Что у вас?

Истец. — Паважаны суд! Я, як дэпутат...

Судья. — По-русски, пожалуйста.

Истец. — Як? Я ўжо прывык... И дзяржаўная...

Судья. — Здесь не сессия — по телевизору не покажут. У меня секретарь ее не знает. Запишет абы что, потом к протоколу будете цепляться.

Истец. — Найдите другого.

Судья. — Вы что, не видите, где находитесь? Потолок просел, счас обвалится и задавит всех нахрен, стулья времен Лаврентия Павловича, в сортир на двор бегаем... Какая незалежнасць — такая и дзяржаўнасць. Короче.

Истец. — Я, как депутат, который внес цяжки, то есть весомый вклад...

Судья. — Куда внес?

Истец. — В возрождение незалежнасци.

Судья. — А-а... Это... Короче.

Истец. — Я, как депутат, не могу вынести абра... обиды...

Судья. — Короче!

Истец. — Ответчик напечатал про меня в газете, что я не сплю по ночам и собираю досье.

Судья. — А вы спите?

Истец. — Как труп!

Судья. — Гм... У вас жена молодая?

Истец. — Что вы!

Судья. — Тогда должен спать... Ответчик, у вас есть доказательства, что истец не спит по ночам?

Ответчик. — Нет.

Судья. — Записываем: сведения не соответствуют действительности...

Ответчик. — Но они не позорят честь и достоинство!

Судья. — Да? Истец, эти сведения позорят вашу честь и достоинство?

Истец. — Конечно! Что Иван Алексеевич, наш председатель, подумает? Что я по ночам заговор готовлю?

Ответчик. — Комплот.

Судья. — Попрошу без выражений. Дальше.

Истец. — И что я собираю досье...

Судья. — Что скажете, ответчик?

Ответчик. — Да вот текст его выступления на сессии. Подробно перечислено, где, когда, какая газета про кого писала и что написала. И предложение: всех главных редакторов снять, газеты закрыть, журналистов сослать на урановые рудники...

Судья. — У нас свобода слова — уже несколько лет, как разрешили. Другие доказательства есть?

Ответчик. — Нет.

Судья. — Не соответствуют действительности...

Ответчик. — Но не позорят!

Судья. — Истец! Эти сведения позорят?

Истец. — Конечно! Что Иван Алексеевич подумает? Что я и на него досье собираю? Вы ж знаете нашего бывшего первого...

Ответчик. — Партайгеноссе.

Судья. — Я же просил — без выражений!

Истец. — Такого он никогда не простит.

Судья. — Это точно. Помню. Под одной крышей еще с алкоголизмом боролись. Ну тогда и порубали! Да... Дернуло меня тогда в идеологический отдел пойти — тогда на идеалах можно было высоко взлететь. Надо было в промышленный проситься — сейчас бы президентом фирмы был, а не сидел в этом г... Ваши требования, истец?

Истец. — Все опровергнуть и пусть заплатит сто тысяч.

Судья. — Ответчик?

Ответчик. — Я хочу заявить отвод.

Судья. — Кому?

Ответчик. — Вам.

Судья. — Основание?

Ответчик. — Вы сами сказали, что под одной крышей с истцом работали. Кроме того, вы нарушили закон: не спросили доверяю ли я суду.

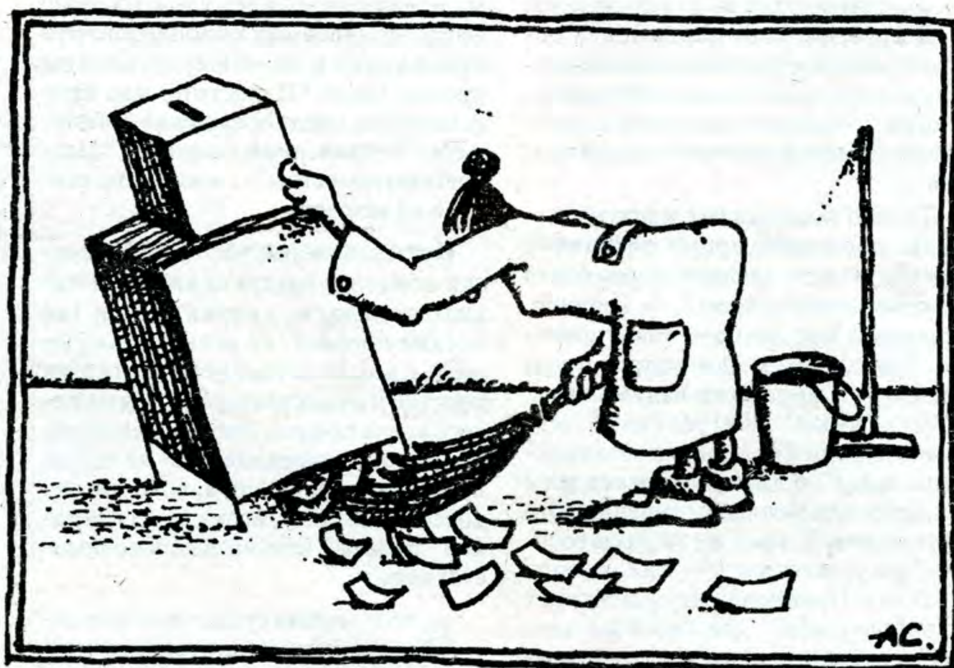

Рис. Александра Свинаренко

Судья. — Ну и что? Все там работали. А в протоколе запишем, что я вас спросил.

Ответчик. — Я настаиваю.

Судья. — Отвод отклоняется.

Ответчик. — Пусть скажут народные заседатели.

Судья. — Они глухонемые.

Ответчик. — Как?!

Судья. — Каких присылают. Законом не запрещено. Да и вам какая разница? Люди они хорошие, сидят тихо, приговоф подписывают...

Ответчик. — Я буду жаловаться.

Судья. — Бесполезно.

Ответчик. — Почему?

Судья. — На основании постановления коллегии НКВД от 1937 года нарушения закона в ходе судебного процесса не являются основанием для отмены приговора или решения, если они правильны по существу. А по существу они у нас всегда правильные — выносим в соответствии с рабоче-крестьянской убежденностью. Вот пусть товарищ подтвердит.

Истец. — Подтверждаю. Только я — спадар.

Судья. — Все понятно? Именем республики... Короче: все опровергнуть, деньги заплатить.

Ответчик. — Где я столько возьму?

Судья. — Где хочешь. В следующий раз будешь думать, что писать.

Ответчик. — Я буду жаловаться в ООН!

Судья. — И что вы за народ, писатели! Третьего сегодня решаю, и каждый в ООН! Сами виноваты: сидели бы тихо — ничего бы и не было. Коли что — в кабинете бы без шума разобрались. А то — свобода, демократия, закон о печати... Ну и наборолись! Сами себе в тот закон возмещение морального ущерба и записали...

Ответчик. — Мы не записывали.

Судья. — Ну мы вам записали — какая разница? Главное, что есть. Кончаем. Решение можно обжаловать в десятидневный срок в вышестоящий суд, если, конечно, зря выброшенных денег на госпошлину не жалко. Следующий!

Globe Trotter

 О ПОДПИСКЕ на «ЕВРОПЕЙСКОЕ ВРЕМЯ»

Уважаемые друзья, читатели «Европейского времени»!

Наша газета независимое частное предприятие, не получающее ни рубля из государственного бюджета.

Если Вы хотите точно ориентироваться в политических, экономических, национально-культурных процессах, протекающих в Беларуси и мире.

ВЫПИСЫВАЙТЕ «ЕВРОПЕЙСКОЕ ВРЕМЯ».

Наша газета — ежемесячное издание.

ПОДПИСКА осуществляется во всех отделениях связи и специальных пунктах.

Индекс в каталоге периодических изданий 63139.

ЕВРОПЕЙСКОЕ ВРЕМЯ

Учредитель С.В.Букчин

Адрес редакции: 220050, Минск, ул.Кирова 13, гостиница "Свислочь", № 512.

Телефон редакции: 20-45-67 (с 14-00 до 18-00).

Для писем: 220100, Минск-100, а/я 338, "Европейское время".

Перепечатка материалов допустима только с разрешения редакции. Ссылки обязательны.

Индекс 63139 Тираж на русском языке 20000 экз. Цена 11 рублей

Газета отпечатана в типографии издательства «Белорусский дом печати» 220041, Минск, проспект Скорины, 79

Номер подписан в печать 8.02.1993 г. Зак. № 192